

Радость сердца. Рассказы современных писателей

Дмитрий Емец

Тест на блондинку (сборник)

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Емец Д. А.

Тест на блондинку (сборник) / Д. А. Емец — «Эксмо»,
2017 — (Радость сердца. Рассказы современных
писателей)

ISBN 978-5-699-95919-8

Каждая новая дама Васи – роковая брюнетка. Рыжая стерва всю жизнь мучает влюбленного Колю, а Ване повезло: у него жена шатенка, добрая, верная и заботливая. Петя обожает блондинок – это диагноз!.. Как мучаются мужчины, пытаюсь разобраться в ярлыках, которые сами же на женщин навесили, наделив их по цвету волос, как по мастям, определенными качествами! А может, все не так? И на самом деле каждая женщина – это новая вселенная со своим неповторимым набором особенностей? Ответы на все эти вопросы ищите в нашем сборнике рассказов, авторы которых – исключительно мужчины!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95919-8

© Емец Д. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Родион Белецкий	6
Максим Матковский	7
Александр Снегирёв	26
Максим Гуреев	29
Вячеслав Харченко	36
Вячеслав Харченко	39
1	39
2	40
3	41
4	42
5	43
6	44
7	45
Никита Шамордин	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Тест на блондинку (сборник)

- © Белецкий Р., 2017
- © Матковский М., 2017
- © Снегирёв А., 2017
- © Гуреев М., 2017
- © Харченко В., 2017
- © Шамордин Н., 2017
- © Чиж А., 2017
- © Кузнецов Н., 2017
- © Петров С., 2017
- © Емец Д., 2017
- © Новиков Е., 2017
- © Жданов О., 2017
- © Ильенков А., 2017
- © Бирман Д., 2017
- © Романов А., 2017
- © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Родион Белецкий **Мне нравятся блондинки**

– Мне нравятся блондинки! —
Шепнул поклонник Нинке,
Не зная, что за год она
Три раза перекрашена.

– Мне нравятся брюнетки! —
Шепнул поклонник Светке,
Не зная, что за год она
Три раза перекрашена.

– Мне нравятся шатенки! —
Шепнул поклонник Ленке,
Не зная, что за год она
Три раза перекрашена.

Пример осеннего листа —
Меняет женщина цвета.
А платья и подавно,
Не изменяясь в главном.

Максим Матковский Только бы не рыженькая!

У деда день рождения.

Всё семейство в сборе. Круглая дата. Девяносто лет. Что тут сказать? Дед есть дед, он как дуб, как гора и молния за горою. Руки деда вечно пахнут машинным маслом, пылью и дождём. В свои девяносто он и сплясать может, и анекдот забористый рассказать, и послать кого надо крепко может, если понадобится. Одним словом – дед наша гордость. Стержень семейства.

Дед знает всё. Он и войну прошёл, и писарем в секретном штабе работал, и инженером, и электриком, и на турбазе работал, и таксистом в девяностые приходилось подрабатывать, и в парке аттракционов он работал, и почтальоном, и даже диктором на телевидении. Чего он только не знает, где он только не был. И землю купил, и дом построил, и за машиной до сих пор собственноручно ухаживает, и скотину в чистоте держит, и сам огородом занимается, и по дому хлопочет: всё у него чинно, ладно. Крепкий хозяйственник, а слово скажет – хоть бери да записывай за ним. Афоризмами говорит.

Бабка от деда не отстаёт. Стол от еды ломится. Учтены все гастрономические предпочтения, приборы разложены в лучших королевских традициях, и салфетки белые под каждой тарелкой, и фужеры, и баранина, и курица, и свинина, свежие овощи с огорода, и картофель в мундирах, и картофель жареный, и икра из баклажанов, хлеб чёрный бородинский, и хлеб кукурузный домашний, и фасоль с луком, и вино у неё на столе.

Семейка наша весёлая собралась полным составом. Шумная весёлая компания. Даже тётка из Парижа приехала – она замуж за престарелого француза выскочила. Вот и он сидит – нос крючковатый, лысый, попивает домашнее сухое из стаканчика и удивлённо на родственников моих глазеет. Старики – дед с бабкой – дают молодым жару. Кричат громче всех за столом. Но громче всех, конечно, дед кричит. И не только потому – что он презирает слуховые аппараты. Счастлив он.

Я был самым молодым, и так уж получилось, что я был ещё и единственным наследником семейства. Род Матковских мог прерваться на мне, а мог и не прерваться, как знать, господи прости. Поймите, всё внимание было приковано не к деду и не к тётке, прибывшей прямиком из Парижа, но ко мне – ведь именно на мне лежала огромная ответственность.

И все переживали из-за меня.

Понять можно.

Ведь женщины у меня как не было, так и нет.

Не знаю, как так получилось.

Давайте, сейчас смейтесь надо мной и кидайте тухлые яйца.

Теперь об этом уже можно говорить: к тридцати годам я оставался девственником.

В наше время стремительных перемен это всё равно, как две головы иметь, или хвост, или рога. Чёрт меня знает, однако всю свою сознательную жизнь женщин я стеснялся. Стронился.

Что сказать о моих отношениях с женщинами? Так, невинные поцелуи, разговоры ни о чём.

Я мог подставить плечо, чтобы женщина вдоволь выплакалась.

Я мог подставить уши, чтобы женщина вдоволь выговорила.

Я мог разинуть рот и поохотать с женщиной над её не очень смешными шутками.

А если же дело доходило до чего-то более серьёзного, я дико смущался и убегал.

Естественно, когда мы собирались с друзьями и обсуждали любовные похождения, я выдумывал красочные истории, врал с три короба про своих несуществующих бывших, призрачных настоящих и фантомных будущих.

Теперь об этом уже можно говорить: я довольствовался порнографией. И порнография меня удовлетворяла. Точнее, я сам себя удовлетворял. Кидайте уже ваши камни, я вижу – вам не терпится.

Меня пугала ответственность и время, предположительно потраченное мною на отношения. Это же надо каждый день с женщиной куда-то ходить, в кино, в боулинг, слушать её истории, засыпать и просыпаться вместе. А быт? В быту я никчёмный и ужасен! Кому такой нужен? Я даже розетку не могу починить. А вдруг стиральная машина сломается или женщина, упаси бог, захочет какой-нибудь дорогой подарок?

Мне и с самим собой жить душно, чего уж говорить про другого человека. Нет, рядом с собой никого вообразить даже и близко я не мог.

Самое страшное – это дети. Если появится ребёнок – можешь ставить на жизни крест. Пиши – пропало. Купания, пелёнки, врачи, садики, школы... кто-то боится смерти, кто-то боится чудовищ из романов Лавкрафта, кто-то боится облысения – я же боюсь детей. Быть отцом, представлялось мне, всё равно, что в ад попасть, где тебя в котёл с кипящим маслом посадят. Я-то за собой с трудом следить могу, как же за кем-то ещё уследить?

Работа, дом, дом, работа. Ем что попало, пью что попало. По выходным – футбол, глуповатое кино, пиво и преферанс с друзьями.

С другой стороны, плохого-то я ничего не делал: не воровал, не убивал, не насиловал. Всё по закону. Но этого недостаточно.

Итак, семейка крепко выпила, и начались разговоры. Первым спросил дед:

– Ну, как у тебя на любовном фронте? Есть бабёнка?

Все замолчали и на меня уставились.

Я сделал вид, что поперхнулся и закашлялся.

Тётя была безжалостной:

– Я в твоём возрасте уже три раза развелась.

Мама вступилась за меня:

– У него другие дела, ему ещё рано!

Подвыпивший отец сказал:

– Ничего не рано.

Я извинился и вышел в прихожую, где меня подстерегали дальние родственники, чёрт его разберёт по чьей линии.

Родственники перемигивались, хитро улыбались. Они спросили:

– А может, ты из этих?

– Из каких из этих? – спросил я, прекрасно понимая, о чём речь.

– Ну, из этих, которые задницами вертят! – Они расхохотались, будто только что была произнесена самая смешная шутка в мире.

Я одарил их презрительным взглядом.

И так весь вечер. Передохнуть практически не давали, каждый советовал свою подругу, или дочь подруги, или какую-то там знакомую очень хорошую, и обязательно очень хозяйственную, и непременно очень порядочную девочку, которая безо всяких там сомнений мне подойдёт. Ей богу, все так воодушевились, словно после вечера им деньги заплатят, словно они спор некий заключили.

Дошло уже до того, что они начали представлять моих детей от той или иной особи.

– Нет, дети получатся невысокого роста.

– Нет, с такими носами у ребёнка будет некрасивый нос. Посмотри, какой у него нос большой – и у неё большой, не подходит, значит, ему нужна с маленьким носом, желательно – курносая. Это уравновесит... Ага!

– Её зовут Женечка, она работает стоматологом, а какие блинчики делает!

– Люда сама шьёт и одежду продаёт, у неё фирма, понимать надо.

– У Наташки красный диплом. Юрист! Что там говорить, полезная профессия.

Причём я не сомневался, что все их разговоры были сплошным бахвальством. Наверняка у обговариваемых девушек есть парни и завязались крепкие отношения.

Они про них говорили так, вроде те сидели у окошка и покорно ждали, когда же я к ним подкачу.

Ага, держи карман шире.

Женить меня собрались на полном серьёзе. Чего уж там – будь я на их месте, тоже бы переживал за себя.

Мне хотелось поскорей уйти, я ёрзал на стуле, виновато улыбался и не мог найти повода.

Мама сказала:

– Посиди ещё немножко, имей совесть. У дедушки день рождения.

Сестра дедушки строго сказала мне:

– Максим! Женю!

И все расхохотались.

А после пиршества, когда я мыл посуду, дед подошёл ко мне и сказал успокаивающим голосом бога:

– Ты просто попробуй с кем-нибудь.

– Я не нравлюсь женщинам, – признался я.

– Чушь, – сказал дед. – Ты культурный, обходительный. Всё получится.

– Ну, дед... – проямлил я.

Он крепко хлопнул меня по плечу, достал вставные челюсти изо рта и подставил их под струю горячей воды.

Вскоре случилось следующее несчастье: у моей соседки умер муж.

Должен заметить, умер он по своей глупости. В собственной смерти виноват только он сам, и, возможно, ещё немного виновата та скотина, что украла люк по улице Черняховского. Сосед возвращался домой ночью со стадиона, где «Динамо» еле-еле свело матч на ничью, и провалился под землю. Естественно, он горлопанил клубные песни, естественно, в нём плескалось не менее пяти литров пива. И вот он провалился под землю, пролетел шесть метров (кто бы мог подумать, что там так глубоко!) и почил.

Что сказать? Был человек – и нет человека. Ты его видел буквально вчера, не мог и подумать, что больше не увидишь его никогда.

Я пытался утешить соседку чем только мог. И деньгами, и молитвой, и сопереживанием.

Она же зачастила ко мне. Приходила, садилась в кресло и беззвучно плакала, вытирая слёзы белым платочком. Я смотрел на её пышные рыжие волосы и представлял пожарища церковей, я представлял пламя геенны огненной, в котором сейчас купается её муженёк. Дурные мысли, разве эта несчастная женщина заслуживала подобные мысли?

Нет, я её утешал:

– Аня, всё хорошо. Всё будет хорошо.

Я подносил ей чай и заверял, что она всегда может на меня рассчитывать. В любом вопросе.

Она переспрашивала:

– Правда, в любом?

– Да, – уверял я.

Мне приходилось её обнимать, она прижималась ко мне огромной грудью, и я старался изо всех сил, лишь бы не выдать своей эрекции.

Забыл сказать – у неё был сын лет восьми. Пашка.

Аня иногда просила меня забрать его из школы, или к зубному отвести, или на родительское собрание сходить.

Я всё чаще начал бывать у них в гостях. Пашка почему-то сразу невзлюбил меня. Хотя я ему улыбался и сделал пару подарков в виде пластмассового самосвала и пластмассового пистолета.

Однажды Аня пришла ко мне вечером с жёлтой рубашкой. Она сказала:

– Я хочу отблагодарить тебя и подарить эту рубашку.

В тот вечер она красиво накружилась, подвела глаза и проделала над своим лицом все эти коварные штучки, которые женщины пускают в ход, чтобы заполучить мужчину.

И, пожалуй, майка приходилась ей слегка тесноватой.

И, пожалуй, она много работала над своими ногами: выглядели они крепкими и стройными. Спортивный зал или домашние упражнения?

Ту рубашку я мигом вспомнил: видел в ней покойного на праздновании Нового года у нашего общего знакомого дома. Даже лиловое пятно от вина на ней осталось.

– Что это за рубашка? – спросил я Аню, прекрасно зная ответ.

– Купила тебе, – сказала Аня и снова прильнула ко мне грудью.

Боже, да она же была без лифчика, я видел её соски. Дыхание моё участилось, а сердце заметалось в грудной клетке, как бешеная горящая птица.

– У меня много рубашек, – соврал я.

– Пожалуйста, примерь, – сказала Аня.

– Не знаю, мне не нравится жёлтый цвет.

– Ну пожалуйста, тебе идёт жёлтый, я же вижу... так старалась, целый день, тебе подарок выбирала.

Она надула пухлые губки и едва не заплакала. Глаза синие-синие, волосы рыжие-рыжие, цвета планеты Марс из школьного учебника по астрономии.

Она была разбита горем, я не хотел обидеть её, а уж тем более ссориться из-за таких пустяков не хотел. Я стащил майку и надел жёлтую рубашку покойника.

Клянусь, она была будто на меня сшита.

Аня хлопнула в ладоши и сказала:

– Какой ты красивый!

– Спасибо! – ответил я.

От рубашки пахло покойником, пивом и потом рьяного футбольного болельщика.

Аня поцеловала меня в щёку, опасный поцелуй, она едва не коснулась моих губ. Аня сказала:

– Приходи завтра после работы к нам на ужин. Я приготовлю что-нибудь вкусненькое...

В книгах и кино про такие ситуации говорят: «Мертвец ещё остыть не успел, а ты уже с вдовой кувыркаешься».

Ну и что, подумалось мне тогда. Жизнь коротка, жизнь бессмысленна, и чёрт его разберёт – что есть любовь на самом деле. Может, это мой единственный шанс, и, кажется, рыжая бестия действительно меня любит или хочет... плевать... судя по всему, она способна преподать мне первый незабываемый урок любви... и в дальнейшем я уже не буду стесняться женщин. После таких пышных форм, после груди такой выдающейся я буду чувствовать себя раскованно с любой девочкой. Спасибо богу за подарок судьбы.

Дедушка будет мной доволен.
И бабушка.
И французская тётка.
И мама с папой.

Да что там: все родственники будут смотреть на меня не как на прокажённого, но как на достойного члена общества.

Да и сам я на себя взгляну по-другому после ночи любви.

Интересно, что чувствует мужчина, когда засовывает пенис во влагалище?

Интересно, что чувствует женщина, когда мужчина засовывает ей пенис во влагалище?

Вот же природа с нами фокус проделала! Подумать только, люди на Марс полетели, искусственный интеллект придумали, роботы уже среди нас бродят, и пришельцы, и на принтере теперь атомную бомбу можно напечатать, а люди всё равно глупостями занимаются. Обмен жидкостями, одним словом.

Теперь об этом уже можно говорить: к тридцати годам я продолжал оставаться девственником.

После работы я заскочил в супермаркет, купил бутылку вина и шоколад для маленького изверга. Не заходя домой, я отправился к Ане в гости. Она открыла дверь, крепко обняла меня, поцеловала едва не в губы и приняла кулёк. На столе было много пива, квашеная капуста и жареные колбаски.

Ну что за чудо-женщина эта Аня – настоящая красотка и знает, как с мужчиной обращаться, как можно было умудриться умереть и оставить её на белом свете?

Я пил пиво, ел колбаски, смотрел футбол, а Аня и слова мне не сказала. Лишь влюбленно поглядывала на меня. Всё это время её малой злобно зыркал на меня, он прятался за диваном, под столом и в шкафу. И где он только не прятался, как обезьянка, как зверёныш человеческий.

Его блестящие глаза скакали по комнате.

Вот что он мне говорил:

– Вы не мой папа.

– К счастью, да, – отвечал я.

– Если бы мой папа был жив, он бы вам в морду дал! – заявил Пашка.

Мне хотелось оттягать его за уши как следует. Или подзатыльник дать, или по заднице ремнём. Чего уж там, пиво медленно, однако уверенно делало своё дело, пробуждало в девственнике воинствующего мужчину.

– Пашка! – сказала Аня. – Как тебе не стыдно! Дядя к нам со всей добротой! Дядя нам помогает... а ты... иди спать бегом!

– Мой папа бы вам нос разбил, и у вас бы кровь фонтаном пошла! – сказал Пашка и спрятался за швейной машинкой.

Я злобно посмотрел в его сторону.

– Папа бы вам руку сломал! – выкрикнул слюняй из-за швейной машинки.

Внезапно Аня села ко мне на колени, погладила по волосам и сказала:

– Не обращай внимания, он на самом деле добрый мальчик. Просто тяжело переживает смерть отца...

– Как и мы все, Анюта, как и мы все...

Я набрался храбрости и обнял её за талию. Она впилась мокрыми горячими губами в мой рот и сказала:

– Валик, я хочу тебя!

Валик – так звали её покойного мужа. Я решил не делать замечания.

– Пошли в спальню? – робко прошептал я.

– Нет, Валик, пускай сын уснёт сначала.

– Хорошо, – сказал я, и она снова уселась на свой проклятый стул. Халат её распахнулся, и она безо всяких стеснений теперь мяла передо мной свои громадные груди, увенчанные прекрасными во всех отношениях сосками.

Маленький негодяй запустил в меня резиновым шлепанцем.

Аня сказала:

– Дай ему по заднице и отправь спать...

– Но как это... я не могу чужого ребёнка...

– Не чужого! – вскрикнула Аня, схватила Пашку за руку и подвела ко мне.

– Я не буду... – сказал я.

– Снимай ремень... быстро!

Она стянула с Пашки штаны, и в её взгляде появилось нечто злое от нечистого, нечто демоническое, что заставило меня снять ремень и пару раз дать молокососу по заднице.

– А теперь быстро спать, – скомандовал я, войдя в роль папашки.

Аня одобрительно улыбнулась. Я ждал, что она начнёт действовать первой, и решил ей во всём признаться. Что, мол, девственник и всё такое.

Однако она не торопилась. Она сказала:

– Ты бы волосы немного взлохматил.

– Зачем? – спросил я.

Тем временем второй тайм подходил к концу. И пятая бутылка пива подходила к концу. И колбаски я все съел.

– Ну, так просто, – ответила Аня.

Я взлохматил волосы, и тут до меня дошло, что покойник вечно ходил с взлохмаченными волосами.

Затем Аня попросила:

– А теперь скажи: «Закрой рот и дай мне досмотреть проклятый футбол, гримза, ухухухуху!»

Промолчав, я сделал вид, что этого не слышал. Эрекции как не бывало. Чертовщина начала происходить.

Аня сказала:

– А теперь скажи: «Ну, раз уж ты мне футбол не даёшь посмотреть, так пойду я мусор вынесу и от тебя отдохну, гримза... ухухухухуху!»

Аня принесла полупустое мусорное ведро и вручила его мне.

Из спальни я услышал детский плач. Пашка причитал:

– Папа, пожалуйста, не бей маму, папа!

Я взял мусорное ведро и вышел во двор. А ничего другого мне и не оставалось. Мусор я выкинул вместе с ведром и быстренько спрятался у себя дома. На звонки не отвечал, дверь не открывал. История вышла пренеприятная.

На протяжении недели я избегал встречи с Аней. Как-то вечером я решил проверить почту и увидел от неё письмо.

В письме она написала:

«Извини, тысячу раз извини. Не знаю, что на меня нашло. Сама была не своя. Это всё от горя и бессонных ночей. Больше такого не повторится, Максим, пожалуйста, давай останемся друзьями!»

Стоит ли говорить, что я сам мечтал остаться с Аней друзьями, а более же всего я по ночам, иногда и днём, мечтал о её груди, о ногах её мечтал, неудивительно.

Более же всего облекитесь в любовь. Хорошо-хорошо.

И мы оставались друзьями, несколько раз вместе съездили за покупками, несколько раз ходили в кино, и ещё на прогулку в парк ходили. Пашка такой стал, хоть к ране при-

кладывай. Вежливый, грубить перестал. «Спасибо, пожалуйста». В парке я ему сахарную вату купил.

Иногда, конечно, Аня просила меня надеть жёлтую рубашку, иногда просила поковыряться в носу, почесать в паху, взлохматить немного волосы и ещё что-то странное просила. Однако я прощал ей эти мимолётные шалости, слабости, можно сказать. И то, что она частенько называла меня Валиком, я тоже старался не замечать. Ведь на кону стояли чудесные, самые прекрасные груди на земле и роскошные волосы цвета крови марсианина.

Как-то мне позвонила мать и сказала:

– Что-то ты давно не заходишь, не звонишь... у тебя всё нормально?

– Более чем, – ответил я.

– Что с твоим голосом? – спросила мать.

– Что с ним?

– У тебя наконец-то появилась девушка. Я так рада! Приходи к нам на ужин. Познакомимся. Мне нужна подружка.

– Хорошо, – пообещал я и, положив трубку, решил, что непременно женюсь на Ане.

Почему бы и нет? Она умная, хорошо готовит, разрешает смотреть футбол и пить пиво, добрая, красивая, грудастая, рыжая – всё как я люблю в своих фантазиях про несуществующих женщин. А Пашка? Ну что же, пусть будет Пашка. Его ещё можно перевоспитать. Да не такой уж он и плохой после ремня.

Я рассказал Ане про предстоящую встречу с родителями. Она очень обрадовалась.

– Надену чёрное платье и бусы, – сказала она. И каблучки.

В тот же вечер она отправила Пашку к своей сестре за город. Мы сидели у меня за ужином и футболом.

– Валик, – сказала она. – Пошли спать. Мне завтра рано вставать и ещё хочется кое-чем заняться...

Я взял её руку своей дрожащей рукой и повёл в спальню. Мы разделись при выключенном свете. И улеглись в кровать. Я целовал её груди и ласкал в заветном месте пальцем. Она стонала.

– Валик, – говорила она. – Валик, я так тебя люблю.

Вместо того, чтобы получать удовольствие, я улёгся на спину, закрыл глаза и представил Валика в гробу. Представил его лицо, над которым уже изрядно потрудились черви.

Я представил трупную вонь.

Боже, что же с телом его произошло?!

Я представил, что он лежит с нами в кровати.

– И не стыдно тебе? – спросил воображаемый Валик в моей голове.

Отстранив Аню, я повернулся на бок к окну.

– Что случилось, Валик, тебе нездоровится? – спросила Аня.

– Извини, просто устал, тяжёлый день, – ответил я.

– Хорошо, тогда завтра утром продолжим? – спросила Аня.

– Конечно, ответил я и поцеловал её в левый сосок.

Всю ночь я пролежал без сна, ворочался и размышлял над предстоящей встречей с родителями.

Кто бы мог подумать, что мама пригласит на ужин всё семейство, всю родню, и даже французская тётя со своим Жан Филиппом, как оказалось, ещё не уехали. Тем не менее ужин прошёл превосходно. Все на меня смотрели с восхищением, все тайно восторгались рыжей бестией, и завидовали мне, и поверить не могли, что такой неопытный по женской части мужчина смог привлечь такую выдающуюся женщину. И Аня вела себя выше всяких похвал. Помогала по столу, убирала посуду, смеялась там, где надо, качала головой там, где надо, молчала там, где надо.

И даже то, что она весь вечер называла меня Валиком, не испортило картины в целом.

Когда же Аня ушла на кухню с французской тёткой курить – родственники в лице моментально поменялись. Дед скривился, будто сто мёртвых жаб проглотил. Бабка поморщилась, словно у неё внезапно голова разболелась, а мама моя хорошая расплылась в блаженной улыбке.

– Рыжая! – сказал дед. – Она же рыжая! Ты что, не видишь?

– Вижу, дед, мне нравятся рыжие, – сказал я.

– Да все рыжие стервы! – сказал дед. – Вот на бабушку свою посмотри – рыжая как сатана! Думаешь, легко я жизнь прожил? Отмучался с ней и до сих пор мучаюсь.

– Рыжие – женщины страстные, но довольно ветреные, – философски заметил мой дядя – талантливый обвальщик мяса.

– Рыжей может быть любовница на месяц, но никак не жена, – сказала дедова сестра.

Мама же сказала:

– Сынок, я так счастлива, сынок, она тебе подходит, такая умница, сразу видно – много умеет. Хозяюшка. И добрая. Сынок, главное, чтобы маме нравилось.

Отец высосал мякоть из бочкового помидора, осушил рюмку водки и наколол на вилку колбасу.

– Эх, девоньки-голубоньки, за что я вас люблю – за четыре губоньки, – молвил отец.

Бабушка решительно заявила:

– Она тебе не подходит.

– Почему? – спросил я.

– Никто никогда не поймёт, что у рыжих на уме, – сказала моя рыжая бабушка. – У них тыквенная каша в голове. Сегодня одно на уме – завтра другое. Нет, Максим, такая женщина не для тебя. Она слишком красива, а у тебя нос длинный... картошкой... дедов нос у тебя... и потом... ах, ладно...

Бабка махнула рукой, явно ожидая, что все попросят её продолжить.

– Продолжайте, бабушка, говорите, – не подвели все.

– Не буду, не за столом сказано, – притворно упиралась бабушка.

– Ну скажите! – просили все.

– Говори, бабуля, – попросил я.

– Она чёрная вдова! – сказала бабка, и все охнули. – Да у неё на лице написано. Веснушками на щеках выложено – губительница мужчин. Всех своих мужиков в могилу сводит. Кровопийца. Ужас-ужас!

– Чёрная вдова... чёрная вдова... как мы не заметили, – зашептались за столом.

У меня по спине холодок пошёл.

И правда, с тех пор, как я начал встречаться с Аней, чувствовал себя неважно: руки дрожали, в голове шумело, колени болели, что-то с мочевым пузырьком было не так и зрение немного хуже стало. Чертовщина, бабка сразу заметила.

За столом началось голосование: все, кроме матери, проголосовали против, отец воздержался.

Мама сказала:

– Ну, что же, мне девочка нравится... хорошая девочка, Максим, но раз все против... тогда и ладно.

На том и порешили.

А когда Аня зашла в зал, все снова улыбались, много шутили и с удовольствием с ней чокались.

Больше с Аней я не встречался.

Мне ради этого пришлось снять квартиру в другом районе.

От знакомых я слышал, что у неё появился новый мужик. И мужик этот щеголял в жёлтой рубашке, и часто его можно увидеть у дома с мусорным ведром.

Потом мне сообщили, что зимой на темечко тому мужику упала большущая сосулька с крыши. И мужик умер на месте.

С тех пор рыжих я десятой дорогой обхожу.

Если увижу рыжую в магазине, то иду в другой магазин. Если рыжая в маршрутку зайдёт, то я прошу немедленно остановить и выхожу, например, к нам на работу наняли рыжую бухгалтершу – и мне пришлось перевестись в другой отдел. Что поделаешь?

После неудачной попытки с Аней я места себе не мог найти. Вроде парень нормальный – голова на плечах есть, не больной, не шизофреник, и руки, и ноги, не коротышка, не какой-то там пропойца, при работе приличной, могу себе пару раз в год позволить на море съездить, не красавец... да и не урод. Обычный я. Среднестатистический. Ну, может, нос чуть великоват. Так в чём же дело? Неужели в носе моём проклятое дело? Однако я видел ужасных мужчин с прекрасными женщинами, я наблюдал за их отношениями, пытаюсь раскрыть секрет, но так ничего и не уразумел.

До конца года я дал себе обещание, поклялся: во что бы то ни стало найти женщину и переспать с ней. А иначе в монастырь пойду, буду там навоз лопатой шевелить, дрова колоть и кельи драить.

Первым делом я сдался на милость своей семейки и согласился встретиться с девушками, которых они мне настырно подсовывали.

– У моей подруги есть внучка, она в Киев переехала учиться, сейчас на четвёртом курсе в Институте филологии, – сказала бабушка. – Кровь с молоком. Тебе обязательно понравится.

Я позвонил ей, её звали Таня. Приятный мелодичный голос, мы много болтали – и так около месяца. Говорить с ней по телефону – одно удовольствие, иногда мы и до четырёх утра болтали – обо всём на свете. Я пытался найти её в социальных сетях, чтобы посмотреть фотографии. Но в её профиле фотографий не оказалось.

Я представлял, как мы лежим с Таней в кровати, я мыслил её худой миниатюрной блондинкой с выдающейся грудью чёрной вдовы Ани. Она гладила меня по спине и шептала:

– Максим, мне так хорошо с тобой. Спокойно, как за каменной стеной.

А я её спрашивал:

– Тебе понравилось?

Она отвечала:

– Это было нечто, никогда такого не испытывала.

Странное дело: несмотря на то, что мы быстро нашли общий язык по телефону и, можно сказать, сдружились (а впечатление складывалось, будто мы знали друг друга всю жизнь!), она постоянно избегала встречи со мной.

Наконец мне надоели телефонные разговоры, и я прямо заявил:

– Давай или встретимся, или я с тобой говорить больше не буду.

– Есть одно местечко, – сказала она. – Уютный ресторанчик на площади Льва Толстого. «Тургенев» называется.

Мы уговорились встретиться там вечером. Я надел свой лучший костюм, надушился лучшим одеколоном, побрил на всякий случай под мышками и в паху, и в паху тоже одеколоном прыснул. Знаете, всяко бывает, и лапти воду пропускают, мало ли, лучше уж быть подготовленным, чем потом опростоволоситься.

В ресторан я приехал на двадцать минут раньше. Сразу было видно – дорогуший ресторан, хоть внешне ничего собой не представлял, так, хлипкая пристройка к историческому дому на Большой Житомирской. И официанты тут как тут, мухи назойливые, чёрный низ,

белый верх, молоденькие, бритые, настырные. «Вам что-нибудь подсказать? Может, что выпить сразу принести...» – и так далее и тому подобное. Я сел у окна и сказал им, чтоб отстали.

– У меня свидание с женщиной, – сказал я. – Она придёт, тогда и подходите.

Я сидел, ждал полчаса. В ресторане кроме меня сидели какие-то иностранцы и щебетали на своих иностранных языках. Неудивительно, в Киеве по сравнению с Евросоюзом цены представляются копеечными, они здесь на широкую ногу гуляли. И рыбу заказывали, и первое, и десятое, и вино какое-то дорогое, судя по бутылке, неплохо выпивали.

Как вдруг колокольчик прозвенел над дверью, и в зал вошла ослепительной красоты блондинка. Худенькая, невысокого роста, она поправила волосы, остановилась, и глаза её кого-то искали. И грудь у неё была точь-в-точь, как я и воображал бессонными ночами. Рот чувственный, губы пухлые, руки так и порхают над воображаемым пианино. А какие ресницы длинные...

О, мои бессонные ночи. О, королева моих ночных поллюций.

Я подхватился с места, взял букетик цветов и пошёл к Тане навстречу. Она глядела прямо на меня и улыбалась. Она глядела сквозь меня.

Ловко увернувшись от моего поцелуя в щёку, она нырнула мне под мышку и поцеловала высокого старика, который всё это время находился за моей спиной. Целовались они страстно, в губы. Разница в возрасте могла составлять лет пятьдесят, а то и больше! Какая мерзость, подумал я.

Я снова уселся за столик и попросил пива. Да, принесите мне проклятое пиво, господи прости, за семьдесят гривен, ну и дороговизна. Взглянув на часы, я понял, что сижу в ресторане уже около часа, и подумал: она не придёт. Она, наверное, узнала, что у меня длинный нос, и не придёт.

И вот, когда я уже ожидал счёт, в зал вбежала непомерно толстая женщина с кабаньим лицом. Толстая и усатая. Глаза её вращались, как глаза сумасшедшей.

– МААКСИИИИИИИМ! – проревела она на весь зал, как сирена.

Боже, подумал я, да она же настоящий слон.

Она, как товарняк, гружённый лесом, помчала ко мне, распихивая иностранцев, официантов, задевая столы и стулья.

Волосы у неё были фиолетовые.

– Прости! – сказала она. – Там такие пробки... давно сидишь?

– Нет, – соврал я.

Её пальцы-сосиски схватили меню, она подозвала официанта и заказала себе пять блюд.

– Наконец-то мы встретились! Я так рада! – громким голосом завопила она.

– И я рад... – соврал я.

Принесли еду, и это животное начало есть: оно впивалось в курицу, вгрызалось в свинину, громко жевало, много болтало, из его рта в меня летели ошмётки еды. Что она там болтала, я даже и не помню, потому что не слушал. Я смотрел не на неё, а на хрупкую блондинку, которая сидела со стариком. Блондинка довольствовалась лишь чаем и молчала, она слушала старика и улыбалась.

– Сейчас, извини, пойду покурю, – сказал я толстухе, снял куртку с вешалки, вышел из ресторана и помчал к такси напротив «Сільпо».

Больше к родственникам я не обращался.

Мне звонил дядя.

Мне звонила тётя.

Все они мне звонили и предлагали познакомиться с прекрасными девушками.

А я отвечал:

– Нет уж, спасибо, лучше я сам!

Бабуля же моя очень удивилась:

– Толстая? Как это толстая... ну и что, зато девушка в теле, зачем тебе чахлые, болезненные?

– Бабушка, она больше, чем вселенная, – сказал я. – Больше всего, что только можно вообразить.

– У тебя просто нет вкуса, – ответила бабушка и кинула трубку.

Как-то мне позвонил старый добрый приятель Олег и предложил встретиться с ним в баре за кружкой пенного божества, поболтать да футбол посмотреть. Я с удовольствием принял его предложение, потому что Олег был настоящим знатоком по женской части.

Мы хлопнули по пиву, заказали ещё, а потом ещё, в перерыве между таймами я решил излить ему душу. Конечно, я не признался, что до сих пор хожу в девственниках. Ведь раньше я хвастался перед ним любовными похождениями! Я сказал, что сейчас мне не везёт и в чём причина – понять не могу.

Олег сразу перешёл к делу, он надел маску эксперта.

– С бабами вообще проблем быть не должно. Она баба – баба, ты мужик – мужик. У неё влагалище, у тебя пенис, сама природа благословляет тебя на секс, на любовь, на веселье. А кто против природы идёт – тот в дураках останется. Без вариантов. Подойди просто и скажи: привет, как дела? Ты хорошо выглядишь... какие у тебя красивые глаза... похвали её сумочку, платье, расскажи о книге, ты же книг много читаешь, ёпта, вот и напусти тумана, пофилософствуй немного. Кажется, ничего особенного, но бабы это любят. Бабы просто обожают, когда им воск в уши заливают. А серьезные отношения совсем про другое. Вот я, например, как понял, что жениться на своей Юле буду... сразу ей дал понять – спуска не дам. Строгим стал. Но и про нежность не забывай. Строгость и нежность. Смех и плач. Всё это называется гармония... Если надо, за волосы бабу оттягай и до слёз доведи, а потом подарок сделай – и повелевай, повелевай ею! Говори: я приказываю! Я повелеваю! Женщина – это лодка, а мужчина на вёслах сидит. Ну, давай, вон барышня за барной стойкой сама, скучает, пойдй познакомься...

– Да не могу я просто так подойти познакомиться, – смутился я. – Она подумает, что я придурок... скажу я ей что?!

– Ничего! Спроси, как дела! – сказал Олег.

И так болтал он, речь же его напоминала цитаты из какой-то низкопробной брошюры про взаимоотношения полов, написанной грязным скользким старикашкой.

– Ну, смотри тогда, я иду знакомиться, учись!

И он направился к даме, скучающей за барной стойкой.

Я было подумал, что она тотчас отошьёт его, пошлёт куда подальше или орать на него начнёт. Не тут-то было! Она предложила ему сесть рядом, она кокетничала с ним, придерживала его за локоть, он же, нарушая интимное пространство, лез ей в лицо со своей смазливой улыбочкой.

Затем же случилась удивительная вещь: в бар зашла Юля – жена Олега, в руках она держала увесистую сковороду. Она заметила Олега, флиртующего с девушкой, подошла к нему и грохнула сковородой по спине.

– Олег! Быстро домой!

– Ой, – сказал Олег. – Дорогая, сейчас, второй тайм досмотрю и приду... можно?

– Быстро домой! – скомандовала Юля и замахнулась сковородой.

Мужики в баре от смеха чуть животы не надорвали.

Олег же, как провинившаяся собачонка, опустив голову, пошёл следом за женой.

Я досматривал второй тайм и вспоминал его слова:

– Главное – каблуком не стать, дружище, главное в каблука не превратиться. Вот я лучше разведусь, чем каблуком стану!

Однажды в социальных сетях я нашёл страничку своей одноклассницы. Выглядела она здорово, худенькая, подтянутая и, судя по фотографиям, без детей и мужчины. Мы начали переписываться, говорили о школе, вспоминали учителей, и я с порога задал ей вопрос: может, встретимся? Приезжай ко мне в гости. Вспомним былое!

С удовольствием, ответила она. И приехала на следующий день. Выглядела она так же здорово, как и на фотографиях. Мы пили вино, вместе приготовили омлет из яиц, цветной капусты, грибов, колбасок и сыра. Омлет на славу удался. Только вот гостя вела себя несколько странно. Вроде и со мной разговаривает, а вроде о чём другом думает. По сторонам постоянно смотрит. На шкаф, на тумбочки, на книжные полки, быстро так головой крутит. Улыбается натянуто.

Мы посидели и выпили ещё. Времени было что-то около часу ночи.

А потом я открыл глаза и понял, что уже день и лежу я на полу. Дверь настежь открыта. Голова раскалывается, словно меня всю ночь топором били. Я осмотрелся и понял, что пропали ваза, плед, телефон и деньги из кошелька.

Свою страницу в социальной сети одноклассница удалила. Я решил: ну его к чёрту, не хочу волокиты, пусть всё будет как есть. Урок мне, дураку такому.

И с женщинами я решил завязать.

Будто ведьма меня прокляла. Ну не везёт, и всё. Чего о бетонную стену лбом биться, скажите, пожалуйста?

Вернувшись к размеренной жизни по наработанной годами схеме – дом, работа, она-низм, карты, пиво и футбол, – я снова обрёл душевный покой и без всяких там зазрений совести рассказывал приятелям про свои воображаемые любовные похождения.

Короче, снова взялся за своё.

Онанист несчастный.

Следствием такого времяпрепровождения стало то, что я пристрастился к одной компьютерной игре под названием «Вормлайф». Страдая от бессонницы, я скачал её на планшет и играл каждый день перед сном. А иногда заигрывался до самого утра и сидел сонный на работе.

Игра эта здорово успокаивала нервы и умиротворяла.

Опишу суть игры: по полю ползают червяки, которыми управляют реальные люди в реальном времени. Червяки эти сначала появляются маленькими, а затем становятся всё больше и больше, всё толще и толще благодаря тому, что пожирают разноцветные шарики, которые появляются на поле в хаотичном порядке. Если ты врезался в другого червяка – ты умираешь и рассыпаешься на круглые шары, тебя жрут другие черви, если же кто-то врезался в тебя – то он умирает и ты можешь его съесть. Карма в действии. Поле ограждено красными лазерами, сунешь голову под лазер – и тебе крышка.

В чём смысл игры – не знаю, однако забавно. Как в жизни: по полю ползают маленькие черви и черви огромные, некоторые в клубки сворачиваются, некоторые намеренно подрезают жирных червей, чтоб те врезались в них и умерли, таких я называл подлецами. Другие же честные трудяги – собирают разноцветные шарики, растут себе, никого не трогают.

Я был честным трудягой, как и в жизни, собственно говоря.

Я заходил в одну и ту же комнату, где играли десять человек. Спустя месяц я уже знал, что это за люди. Знал повадки каждого червя, знал, что Виктор666 – редкостная гнида. Были ещё Ксюша Сатана и Романтика морга. Должен сказать, что в этой комнате у всех были какие-то странные ники. Ну, молодёжь, ничего не скажешь. Мозгов нет, ценностей нет, диалог между поколениями оборвался, и восстановить его ох как тяжко.

Для интереса я погулял по другим комнатам и нашёл ники, ничем не уступающие моей комнате: Кожаный убийца, Сексуальный Кактус и Пастырь-Электрик...

Каждую ночь я заходил в игру и принимался собирать шарики. Мысленно я со всеми здоровался: «Привет, Ксюша Сатана, привет, Романтика морга, привет Нарушенная заповедь, доброй ночи, Падший ангел, как дела, Огненный Провидец...» – и так далее, и тому подобное.

«А с тобой, Виктор666, здороваться не буду, и руки не пожму, можешь не влиять передо мной своим плешивым хвостиком, аферист».

Поймите, не червей я видел на экране, а людей, которые ими управляли. Они стали такими же моими приятелями, как и те, с которыми я в преферанс играю или пиво пью да футбол смотрю.

Более же всего мне нравилась Ксюша Сатана, и я бесился, когда черви её подрезали или мешали собрать разноцветные шарики. Я как мог оберегал Ксюшу, покровительствовал и, как я думал, обучал её различным тактическим хитростям. Мне хотелось поговорить с ней.

Я начал искать информацию об игре и забрёл на официальный сайт «Вормлайф». Оказалось, что это очень популярная игра и она имеет множество фанатов по всему миру. И на этом сайте у них есть чат, и фотографии игроки туда выкладывают, общаются друг с другом, полноценная социальная сеть, короче.

И я узнал, что Ксюша Сатана – активный пользователь сайта и что она часто в чате бывает. Так мы и познакомились.

Какой я ник для игры взял?

Догадайтесь. Нет, нет и нет.

Ладно, скажу, в игре я Дональд Трамп. Парам-па-пампам.

Я написал: «Привет, мне очень нравится играть с тобой».

Она написала: «Привет, Дональд, я давно слежу за тобой. Обожаю твой стиль игры».

Я написал: «А как ты относишься к Виктор666?»

Она написала: «О, это мой младший брат. Он такой вредный, такой невыносимый».

Я написал: «Мне нравятся твои фотографии, чем занимаешься?»

Она ответила: «У нас семейный бизнес, Дональд».

Я написал: «На самом деле меня зовут Максим».

Она написала: «Приятно познакомиться, Максик».

Максик! Она назвала меня Максик! Прямо зелёный свет для дальнейших действий.

Она тоже жила в Киеве. И мы договорились вместе сходить в кино. Правда, я нервничал, потому что пригласил её в кинотеатр «Ракурс», где показывали только ретрокино, классику мирового кинематографа. Обычно девушки такое не любят. Сейчас подавай зрителю истории про любовь с погоней, перестрелкой и кучей спецэффектов.

Однако опасения мои оказались напрасными, Ксюше понравилось кино, и мы ещё несколько раз ходили и много по городу гуляли. В кафе сидели, кофе пили.

Она была удивительной. Худенькая, волосы чёрные-чёрные, в носу – серебряное колечко, на руках татуировки, какие-то знаки, я не шибко секу в татуировках.

Как-то раз Ксюша заявила:

– Извини, но тебе придётся познакомиться с моими родителями. У нас в семье так принято. Если я с кем-то дружу, то обязательно знакомлю молодого человека с родителями. Может, слишком старомодно... не знаю... они милые, весёлые люди, тебе понравятся.

– Не поверишь! – обрадовался я. – Но я тоже консервативен в этом вопросе, ничего не утаиваю от семейки своей и всю дорогу с ними советуясь по любому вопросу.

– Пойми, это вовсе не означает, что я нуждаюсь в одобрении родителей, просто мы так живём...

– Конечно-конечно, – согласился я. – Мне можешь не рассказывать, сам такой!

Ксюша жила с родителями в частном двухэтажном доме, несколько зловещем на вид. Я приехал на такси, прихватил с собой торт, бутылку вина, надел свой лучший костюм, на всякий случай побрил под мышками и в паху. Надушился лимонным одеколоном. И цветы, конечно же, купил. Куда в нашем многострадальном мире без цветов?!

В калитке меня встретил Ксюшин отец. Почтенный старик в строгом костюме, лысый, голова здоровенная, как купол цирковой. Где-то в саду разрывалась огромная псина.

– Проходи, не бойся, Израиль привязан.

Странное имечко для собаки, подумал я.

Мы пошли через сад, продираясь сквозь колючий высокий кустарник, и наконец зашли в дом. Вкусно пахло стряпнёй. В прихожей выстроилась Ксюшина родня. Два её брата-акробата: один старший, другой младший. Два бугая, шкафы, наверняка занимались борьбой или боксом. Мы крепко пожали руки.

Чёрт его знает, как человеческий мозг работает, порою что-то такое выдаст...

Ксюшина мать – типичная домохозяйка, седая женщина с добрыми глазами, стоит и добродушно кивает. На ней клетчатый фартук, в руках держит ухватки.

– Добро пожаловать, – говорит она.

– Ну, Максим, проходи.

И мы прошли в зал. Всё здесь было старомодным. Вычурные столовые приборы, громоздкие подсвечники, какие-то жуткие картины с разодранными телами в стиле Гойи, свет приглушённый. На полу валялась медвежья шкура. В камине потрескивали дровишки. Ну, вы поняли: старомодность не в смысле Советский Союз, а в смысле девятнадцатый век. Готика, что ли.

Мы уселись за стол, хорошенько отужинали и примолкли, Ксюша сидела рядом со мной и под столом держала меня за руку. Надо заметить, что вино на меня крепко подействовало и я излишне раскрепостился.

– Михаил, а чем вы занимаетесь? – спросил я отца Ксюши.

– У нас семейный бизнес, – ответила Ксюшина мать.

– Да, Ксюша мне говорила, а какой именно? – спросил я.

Два братца всё время злобно на меня посматривали, будто дырку во лбу хотели про сверлить своими взглядами.

– Мы надеемся, что ты тоже будешь с нами работать, – сказал Михаил.

– Вообще-то у меня есть работа, и довольно неплохая, я занимаюсь...

– А давайте выпьем! – перебила меня внезапно Ксюша и подняла бокал. – Па, скажи тост!

Папа сказал:

– Хочу поднять этот бокал за торжество тёмных сил и падшего ангела нашего.

– За падшего ангела! – поддержали отца братцы-кирпичи.

Чепуха какая-то, подумалось мне, может, шутка?

Однако затем разговор вернулся в привычное для меня русло: мы говорили о политике, о футболе, о пиве, о ценах на бензин, газ и так далее и тому подобное.

Ксюшины родители постоянно пытались куда ни попадя вставить церковь, батюшек и попов.

– Вот же эти церковники... смешные люди!

– Знаете, что сказал монах монаху, когда они зашли вместе в кабинку туалета в стрип-тиз-клубе?!

– Животы себе отъели!

– Бог упадёт, и на лбу у него будет шишка!

– Бог такой старый, что с него песок сыпется, поэтому-то пустыня и ширится в наших сердцах, брат мой!

– Скажи, Макс, так и хочется все эти церкви взорвать? – спросила меня Ксюша, всё ещё крепко сжимая мою руку.

– Угу, – согласился я, хотя, убейте, не понимал, что за вакханалия начала тут происходить.

Потом братья достали увесистый том в чёрном кожаном переплётё и начали что-то читать на латыни, при этом Ксюша и её родители повторяли за братьями, прикрыв глаза.

– Старайся тоже повторять, – прошептала мне Ксюша.

Я выплеснул остатки вина себе в глотку и спросил:

– Вы сектанты, что ли?

Они дружно рассмеялись.

– А ты забавный, – сказал Михаил.

– Ты нам нравишься, – сказала Ксюшина мать.

– А давайте пойдём на кладбище и выкопаем мертвеца! – весело предложила Ксюша.

– Отличная идея! – сказал отец.

– Мы идём за лопатами, – обрадовались братья-кирпичи.

– Макс, одевайся, – сказала Ксюша.

– Знаешь, мне завтра рано вставать, поеду я, пожалуй, домой...

– Как – домой?! – расстроилась мать. – Мы же даже ещё кровь не пили...

– Какую кровь? – спросил я.

– Кровь чёрных кошек, – ответила Ксюша. – Ты разве никогда не пробовал... странно...

– Что странного? – спросил я.

– Ну, ты играл с нами в «Вормлайф», а в комнате, где мы играем, только члены общества...

– Какого общества? – Я задавал глупые вопросы и чувствовал себя деревенским дурачком, случайно забредшим на переговоры в штаб-квартиру ООН.

– Общества Чёрной Луны, – ответила Ксюша.

– Впервые слышу о таком... вы сатанисты, что ли? – спросил я.

Они странно переглянулись и опять дружно рассмеялись.

– А он шутник! – сказал Михаил. – Он мне определённо нравится!

Вооружившись лопатами, мы сели в минивэн и поехали к кладбищу. Мне досталась маленькая саперская лопатка. Всю дорогу они решали, кого же будут выкапывать: Красильникову или Никонишину. Сошлись на Красильниковой.

Мы подъехали к кладбищенскому забору и вышли из машины.

Братья-кирпичи подсадили родителей, и те плюхнулись в траву по ту сторону ограждения, затем братья прыгнули на забор и одним махом преодолели его. Я подсадил Ксюшу и передал ей свою лопату.

– Ты сможешь сам залезть? – спросил Ксюша.

– Конечно-конечно, – ответил я.

– Держи руку! – сказала она.

– Нет, – ответил я. – Не переживай, спускайся, я сам, сто раз так лазил...

За забором послышался утробный хохот, шлепки и удары лопат о землю.

– Хорошая ночь! – сказал Михаил.

Я же вышел к дороге, поднял руку и остановил «Жигули».

Мое семейство собралось в полном сборе. Родственники с грустными минами выслушали эту историю.

Отец сказал:

– Следующий раз возьми чеснок, осиновый кол и крест.

Мать сказала:

– Не знаю, мне Ксюша нравится, хорошая милая девочка, и родители у неё хорошие. Зря вы так... эх... из вас бы вышла хорошая пара, сынок, главное, чтобы маме нравилась... у тебя вообще своего мнения нет? Ты можешь хоть раз по-своему поступить?

И тогда, нарушая рамки дозволенного, я ответил матери:

– Тебе лишь бы меня какой угодно женщине сбегать? Неужели ты меня так не любишь?

– Замолчи, – сказал дядя. – Не перечь матери!

– Извините, – ответил я.

Дедушка угрюмо смотрел на стакан с жидкостью, в которую были погружены его вставные челюсти.

– Брюнетка, значит...

Бабка сказала:

– Нельзя путаться с брюнетками... ты что!

– Почему? – спросил я.

– Все брюнетки коварные. Души у них чёрные, – сказал дедушка. – Вот на тётку свою посмотри. Сидит, вроде улыбается, разговор поддерживает, а сама про нас разные гадости думает!

– Думаю-думаю, – подтвердила тётка-француженка. – Ещё какие гадости.

– Брюнетки – это ведьмы, – сказал отец и перекрестился.

Жан Филипп, тёткин муж, зачем-то перекрестился вместе с ним.

– Блондинки, только блондинки, – сказал дедушка. – Неужели ты до сих пор не понял? Блондинка – как горный ручей. Чиста, свежа...

– В своих помыслах добра, – добавила бабушка.

– Хорошо, – сказал я. – Но хочу вам сообщить, дорогие мои родственнички, что скоро две тысячи семнадцатый год. Люди скоро на Марс полетят, а по улицам уже роботы бродят, и роботов скоро приравняют к человеку, права им дадут, паспорта, и искусственный интеллект, и на принтере теперь можно напечатать всё что угодно – дом... поезд, лес сосновый! И телепортация не за горами, и двигатели на простой воде уже работают, на воздухе работают... космонавты! Звёзды, человечество выросло из своих средневековых ползунков... понятно?! А вы тут сидите и о людях по цвету волос судите... деревенщины красномордые!

– Дааа, – сказал дядя. – Как был ты маленьким дурачком, так им и остался.

– Жизнь тебя ничему не учит, – сказала тётя. – Это печально.

– Найди себе блондинку и живи с ней. И дети у вас будут. И всё будет хорошо. Действуй, – сказал дед.

– Ладно, – нехотя ответил я.

Возможно, у вас назрел вопрос: в мире много интересных вещей, вещей болезненных, более достойных внимания. Война, голод, путешествия, разные там научные открытия и так далее, и тому подобное, а он тут сидит и про баб заливает.

Да, отвечу я вам. Сижу и пишу. У кого что болит, тот о том и говорит.

На какое-то время я прекратил поиски женщины и всецело погрузился в работу, в сон, в распитие пива, лицемерие футбола, а также я предавался карточным играм и онанизму.

Порнографические фильмы. Что может быть лучше? Страсть их героев никогда не угаснет, красивые мужи и красивые женщины, совокупляющиеся, как бессмертные боги.

И если кто скажет вам, что порнография – это низменно, это аморально и вообще недостойно упоминания, и если кто нос воротит от порнографии и напыщенно лик свой кривит – знайте, этот человек лжец. Лицемер. Нагло врёт он вам в лицо. Ведь всех интересуют женский передок и как это происходит. Казалось бы, что там может происходить, всё одно и то же. Сверху, сбоку, задом – всего несколько комбинаций. Но волшебство случается, но волшебство порою действует в самых неожиданных местах.

Всё вроде бы одинаково происходит, а каждый раз по-разному.

О, длинные ночи без сна. О, воображаемые королевы моих ночных поллюций.

Как-то я задержался на работе, и мы разговорились с коллегой. Хороший парень, даром что лысеть начал на макушке. Я предложил ему пойти в бар и выпить там по кружке восхитительного божественного напитка. Однако он отказался и сказал, что сегодня идёт на «Мгновенные свидания».

– Что такое «Мгновенные свидания»? – спросил я.

– Это типа клуба, – ответил он. – Там собираются мужики и бабы. Они постоянно меняются друг с другом. Мужики подсаживаются к бабам за столики и две минуты говорят. Затем меняются. У каждого свой номерок. По окончании вечера ты выбираешь бабу под номерком, и если баба тоже выбрала тебя, то ведущий вам это сообщает и вы можете идти на свидание... Кстати, у меня есть лишний билет, не хочешь попробовать?

– Пожалуй, – ответил я. – А хмельному божеству в храме том поклоняются?

– Нет, – ответил коллега. – Это безалкогольная вечеринка. Я мусульманин, между прочим.

Ничего против мусульман я не имел, а в некоторых вопросах я даже их поддерживал, поэтому принял приглашение коллеги. И мы пошли.

Итальянский ресторанчик в полуподвальном помещении. Уютное местечко семейного типа. На столах – скатерти в красную клетку, мужчины и женщины одеты во всё красивое. Кучкуются. Мужики с мужиками, бабы с бабами, поглядывают друг на друга, как я понял, до начала соревнований с женщинами знакомиться не принято. И вот ведущий просвистел в свисток.

Началось.

Женщина номер один.

Спрашивает:

– Чем вы занимаетесь? Почему до сих пор не женились? Какое у вас хобби?

У неё лицо грустного мопсика, поэтому я сразу решил, что не выберу её.

Женщина номер два.

– Вы любите горные лыжи?

– Терпеть не могу! – ответил я.

– Следующий, – сказала она.

Женщина номер три.

Господи, да она же рыжая! Я даже к ней за столик не сел!

Женщина номер четыре.

Моя одноклассница. В упор не узнаёт меня, пьяная в дым, хохочет, как оголтелая лошадь, сбежавшая из горящего цирка.

– Где мой плед? – спрашиваю её.

Она мне говорит:

– Ох, хочешь травки покурить, малыш... двести гривен коробок. Изумительные шишки. Утончённый аромат. Идём выйдем, я тебя так накурю, что пылесосом станешь... а пыли в городе много! Аха-ха!

– Где моя ваза? – спрашиваю.

Она не понимает, ни черта эта дура с красным дипломом не соображает.

Женщина номер пять.

Блондинка, на ней зелёное платье, у неё серые глаза. Она меня стесняется, ёрзает на стуле.

– Я здесь первый раз, – сказала она.

– Меня зовут...

– Тише, – сказала она. – Нельзя сейчас имена произносить, только номерки.

– Я двадцать шестой...

– Вы здесь сколько раз бывали? – спросила она.

– Никогда не бывал и не приду сюда больше, – признался я.

– Я тоже, – сказала она.

– Вам нравится Арнольд Шварценеггер? – спросил я. Сакральный вопрос. У каждого должен быть подобный наборчик вопросов.

– Ага, – ответила она. – «Бегущий человек» – мой любимый фильм.

– Хорошо, – сказал я. – Вам нравится Кнут Гамсун?

– Ещё бы, – сказала она. – «Плоды земли» несколько раз перечитала.

– Вы любите большой теннис? – спросил я.

– А разве это не игра для дегенератов? – осторожно поинтересовалась она.

– Ну! – обрадовался я. – Последний вопрос...

– Нет, – прервала она. – Я тоже хочу спросить...

– Валяйте, сорок третий, – сказал я. – Спрашивайте.

Всё это время мы смотрели друг другу в глаза и улыбались. Между нами появилось настоящее, чёрт возьми, электричество. Феромоны, любовь с первого взгляда, верблюд мочится на собственный хвост и машет им, разбрызгивая капли мочи, дабы привлечь самку... называйте как хотите.

– Вам нравится жить в Киеве? – спросила она.

– Терпеть не могу, – ответил я.

– Почему? – спросила она.

– А что здесь хорошего, люди сошли с ума. Люди озверели, у людей, знаете ли, в головах пьяный дровосек вместо дров раритетную красную мебель рубит. А щепки летят...

– Ох как летят, – согласилась блондинка.

К нашему столику уже подошёл мужик. Он толкнул меня в плечо.

– Моя очередь, – сказал он.

– Пойдёмте отсюда, – предложил я.

– Идём, – сказала она, и мы ушли.

А ведущий кричал нам вслед:

– Это не по правилам! Не по правилам! Вы дисквалифицированы навсегда!

Мы спустились по улице Воровского, перешли по подземному переходу к универмагу «Украина», зашли в него, поднялись на четвёртый этаж и засели там в тихом баре у окна. Прекрасный вид на заснеженный Киев. Пожалуй, Киев может быть хорошим только под толстым слоем снега, подумалось мне.

Мы взяли по пиву, потом ещё по пиву и много говорили об Арнольде Шварценеггере, о великом человеке. А через неделю мы съехались, и тридцатого декабря я потерял девственность. Взрывайте уже ваши хлопушки!

И знаете что? Да ничего особенного... здорово, конечно, стать мужчиной, общество придаёт слишком много значения сексу. Видимо, маркетологи и здесь хорошо поработали над мозгами обывателей. Я бы мог наврать вам, что был потрясён и испытал удивительные ощущения и в голове моей космос взорвался к чертям собачьим. Но зачем? Кого я буду обманывать? К чему эта показуха?

Порнография – это искусство, а секс – это нищий, пытающийся догнать скоростной поезд сообщением Колыбель – Могила.

Новый год мы решили встретить с моей роднёй.

Я так и заявил:

– Приду с женщиной, и женщина эта – женой моей будет. И у нас родятся красивые дети, а позже ещё ребята.

Родня допытывалась:

– Брюнетка?

– Нет, – отвечал я.

– Блондинка?

– Нет, – отвечал я.

– Не дай бог... рыжая сука!

– Нет, – улыбался я.

31 декабря мы проснулись довольно поздно, сходили за подарками, пришли домой, немного отдохнули, и я спросил Сашеньку (так зовут мою жену, слава богу):

– Ты не против?

– Нет, – ответила она. – Забавно будет.

Я достал из ванного шкафчика машинку, постелил на край ванны полотенце, усадил на него Сашеньку и сбрил её чудесные светлые волосы наголо.

Александр Снегирёв Нефертити

Наконец я решился. Отринул сомнения и вооружился уверенностью. Я шел в солярий. Вы спросите, чего я стеснялся? Как же чего... Стеснялся я многого: неопытности в деле ухода за собой, стеснялся прослыть педиком, короче, просто стеснялся. Так почему же я всё-таки шел в салон красоты, где находился солярий? Мне не хотелось быть бледным. Смущала ли меня эта бледность? Нет, бледность меня не смущала, бледность смущала мою маму. При каждой встрече мама спрашивала: «Почему ты такой бледный? Ты плохо питаешься! Ты не спишь по ночам! Ты совсем не следишь за здоровьем!» Я больше не мог слышать эти упрёки, но прекратить с ней общаться тоже не мог. Я люблю маму. Поразмыслив, я решил слегка подзагореть в солярии. Совсем чуть-чуть, только чтобы прикрыть бледность. Сильно загорать было нельзя, мама не одобряла загар. Если меня заносило на пляж или мои скулы темнели под городским солнцем, мама сразу же принималась упрекать меня в том, что я желаю заработать онкологию и тем самым свести её в могилу. Солярий, который мама называла «солярисом», в её пантеоне зла приравнялся к солнцу и бледности.

Я остановился перед сверкающими дверями салона красоты, потоптался немного, дёрнул дверь на себя, прочёл надпись «от себя», толкнул дверь и оказался внутри.

Повсюду царили роскошь и благоухание. Стены мерцали цветом тусклого серебра, в зеркалах, обрамленных золочёной резьбой, проплывали таинственные отражения, хрустальные люстры струили приглушенный таинственный свет. По этому чертогу порхали кокетливые нимфы в белом. За стойкой портье, больше похожей на колесницу царицы Нефертити, горделиво стояла девушка безупречных форм и размеров, качественно выкрашенная под платиновую блондинку. Девушка взглянула на меня с царственной иронией, не лишённой, однако, некоторой благосклонности.

– Я вас слушаю, молодой человек, – молвила Нефертити со своей колесницы.

– Я... э-э-э... у вас солярий есть? – просипел я.

– Вертикальный, горизонтальный, с орошением ароматическими маслами, – донеслось с колесницы.

– А чем отличается эээ... вертикальный от горизонтального?

– В вертикальном вы стоите и можете свободно двигаться, а в горизонтальном – лежите, и в точках соприкосновения тела с лампами загар может лечь неровно. Например, на ягодицах.

Последнее слово Нефертити произнесла с явным удовольствием. Внутри меня всё перевернулось. Я покраснел, представил себе упругий зад этой крашеной царственной особы, покраснел ещё больше, потупился, увидел отпечатки моих кед на сверкающем полу и смутился окончательно.

Взяв себя в руки, я поднял глаза. Мне в лоб смотрели два полушария цвета кофе с молоком. Полушария едва не выкатывались из кружевных чашек бюстгальтера, натягивающего белую рубашку. Видимо, Нефертити расстегнула лишнюю пуговку, пока я пялился себе под ноги. Египетская царица издевалась над смущённым неофитом.

Я огляделся как-то дико, грохнул о стойку ладонью с пятисотрублевой бумажкой и рявкнул:

– На все!

– На все получится двадцать минут, вы пережаритесь, – насмешливо пропела царица.

– Не пережарюсь.

– Вам будет плохо.

«Что настоящему мужику двадцать минут солярия!» – подумал я, лихо развернулся и пошёл.

– Я же вам не сказала, куда идти, – молвила Нефертити. – Вон в ту дверь.

Я двинулся в указанную сторону.

– Крем взять не желаете? – донеслось с колесницы.

– Давайте, – измученно ответил я.

– Будьте добры двести рублей.

– Так я же вам уже все отдал.

– А... у вас больше нет денег, извините...

«А...» Нефертити произнесла как восклицание после изнуряющих минут любви, «...у вас больше нет денег» – как благодарность любовнику, а «извините» прозвучало прощанием с нежным юношей, которого она только что высосала до последней капли.

В голове у меня помутилось. На подгибающихся ногах я доплёлся до двери и, оставшись один, бросился стаскивать с себя одежду. Неожиданно в дверь постучали.

– Забыла вам объяснить, как включить солярий, – донёсся из-за двери знакомый голос.

Я, чертыхаясь, натянул трусы на оттопырившуюся плоть, прикрылся свитером и отпер замок. Нефертити переступила через мои скомканные джинсы и подошла к прибору.

– Чтобы включить лампы, нажмите вот эту зелёную кнопку с надписью «Старт». – Нефертити оглядела моё жмушееся в углу тельце. – Если станет горячо, нажмите красную, «Стоп».

Она вышла, играя бёдрами. Я с трудом владел собой. Вскочив в солярий и задвинув дверцы, я нажал «Старт». Мои глаза были закрыты. Сквозь веки просвечивала сиреневая накаляющаяся жара. Я ласкал себя, мысленно овладевая этой ведьмой, повелительницей красоты и загара. Я мял её груди, раздвигал ягодицы и всячески повелевал ею. Через считанные мгновения я застонал, но успел подставить салфетку, которую предусмотрительно прихватил с полочки. Салфетка намокла и отяжелела. Я понял, что салфетки в солярии разложены именно для таких нужд.

В оцепенении я сполз на дно кабины и застыл. Я не заметил, как прошли оплаченные минуты и как погасли лампы. Сколько я так просидел – неизвестно. Из транса меня вывел стук в дверь.

– У вас всё в порядке? – поинтересовался голос Нефертити.

– Д-да, уже выхожу, – заикаясь, ответил я и принялся спешно одеваться. Я не стал бросать салфетку в мусорное ведро. «Ничего она не увидит, не доставлю ей такой радости». Я обернул липкий комок другими салфетками и сунул в карман. Кожа немного зудела.

Зашнуровав кеды, я взглянул в зеркало. В полумраке комнаты цвета приобретали тёмные оттенки, мое лицо казалось шоколадным. Кожный зуд усилился. Обгорел, понял я. Лицо было не шоколадным, а тёмно-бурым. Мне стало страшно, я отпер дверь.

Нефертити смотрела испытующими глазами. Я попытался юркнуть мимо, но она окликнула меня:

– Ваша сдача.

– Я же просил на все...

– Я всё-таки поставила вам десять минут вместо двадцати... Хотя вижу, что и этого много...

Я молча сгрёб деньги, буркнул «спасибо» и вышел.

На улице я осмотрелся. До дому было минут пять пешком, и я не знал, как преодолеть это расстояние с пылающей красным физиономией. На всякий случай я принялся улыбаться прохожим. Сначала от меня отшатнулась бабушка с пакетиком, потом парень в спортивном костюме грубо хохотнул вслед, и сразу после этого я встретился глазами с милиционером.

Милиционер воспринял мою улыбку с подозрением. Впрочем, любой на месте милиционера воспринял бы с подозрением заискивающе улыбающегося юнца с лицом цвета варёно-копчёной колбасы. Милиционер спросил у меня паспорт. Паспорта при мне не оказалось. Тогда милиционер велел показать содержимое карманов. Я достал ключи, кошелек, мелочь и... комок салфеток. Надо ли уточнять, что именно этот последний предмет вызвал у опытного стража живейший интерес. Его профессиональное чутьё подсказывало, что в салфетку непременно завернуто что-то запрещённое. Что-то пахнущее большими деньгами.

Милиционер принялся разворачивать салфетки с трепетом и волнением ребёнка, разворачивающего новогодний подарок.

Я пискнул:

– Не надо...

Мой страх милиционер принял за подтверждение своих догадок и принялся разворачивать каждую складку с каким-то совсем уж иезуитским наслаждением. Я наморщился, кожа горела кремлёвской звездой. Милиционер торжествующе приподнял последнюю складку. Я зажмурил глаза. Наступила гробовая тишина. Даже прилетевшие с юга грачи перестали трещать и устали на нас.

– Это что? – глухо донеслось из самых недр милиционерского организма.

Я раскрыл глаза. Милиционер рассматривал свои слипшиеся пальцы.

– Это... это крем для загара, – выпалил я. – Я часто загораю... – Я даже ткнул пальцем в своё лицо.

Милиционер дёрнул головой, моргнул, бросил салфетки на асфальт, отёр пальцы о китель, опомнившись, принялся тереть то место на кителе, о которое отёр пальцы. И какими-то рывками пошёл прочь.

На этот вечер у нас с мамой был запланирован поход в театр. Чтобы избежать катастрофы, я сказался больным и остался дома. Мама пошла в театр без меня. Пока я мазал физиономию кефиром, эффектный пожилой господин угощал маму шампанским в театральном буфете. Пожилой господин оказался доктором наук и после спектакля пригласил маму в кафе. Они подружились, и мама перестала уделять внимание моей бледности. Теперь в солярий ходить не нужно, разве что ради встречи с Нефертити.

Максим Гуреев

Нино, или Синдром ленивого глаза

Нино стоит на остановке пятьдесят третьего автобуса, чтобы ехать на Инженерную улицу, где в панельной девятиэтажке она снимает однокомнатную квартиру у пенсионерки Александры Извековой, которая круглый год живёт на даче под Ногинском.

Тут, на берегу Клязьмы, баба Саня ходит в резиновых сапогах, шерстяных тренировочных штанах с вислыми, как древесные грибы чаги, коленями и свитере с подшитым к нему брезентовым фартуком, потому что постоянно копается на огороде. Своим видом она напоминает продавщицу из мясного отдела в гастрономе, что на углу Инженерной и Бегичева.

В этот гастроном, стены которого выложены пожелтевшим от времени кафелем, а лепнина на потолке напоминает бесформенные куски развесного творога, Нино заходит всякий раз, когда возвращается домой после работы.

Она медленно бредёт вдоль прилавков, где под стеклом покоятся окорочка и рыбы без головы, замороженные голени и говяжьи хрящи, а сидящий рядом с кассой в инвалидной коляске Серёженька провожает Нино долгим взглядом, чмокает и бормочет при этом себе под нос: «Косы рыжие густые, брови чёрные навзлёт, глазки синие, шальные, и танцует, и поёт».

Раскачивается на коляске, крепко вцепившись в обитые дерматином подлокотники.

Коляска при этом скрипит.

Наконец пятьдесят третий автобус приезжает.

Только что прошёл дождь, и поэтому автобус медленно выплывает из туманной предзакатной дымки начала октября, разворачивается, расчерчивает фарами киоски с шаурмой и обклеенный драными объявлениями бетонный забор «Автосервиса», выдыхает воздушным компрессором, как вздыхает, поднимая тем самым с земли облака тяжёлой мокрой пыли, и замирает на остановке.

Автобус напоминает сома, что долго таился в зарослях ракиты, в коряжнике, в подводной норе ли, а потом с наступлением темноты вышел на охоту.

Кстати, баба Саня, её так все звали в поселке, рассказывала, что однажды на Клязьме, недалеко от их садоводства, сом напал на человека и попытался утащить его на глубину, чтобы там заглотить.

Автобус заглатывает Нино и ещё нескольких пассажиров: молодую мать с девочкой, один глаз которой заклеен белым пластырем, старика в болоньевом плаще, двух таджиков и гренадёрского сложения мужчину с аккуратной подстриженной чёрной бородой и усами.

У отца Нино, главного инженера горнообогатительного комбината в Ткварчели, тоже были борода и усы, но только рыжие. Каждый день, прежде чем уйти на работу, он подолгу стоял перед зеркалом в ванной комнате, причёсывал и подстригал бороду, затем усы, после чего натирал их специальным маслом, пахнущим касторкой, экстрактом розмарина и миндалём. А когда он выходил из ванной и в прихожей прощался с женой и дочкой, то от него приятно пахло этими самыми касторкой, экстрактом розмарина и миндалём.

Нино до сих пор помнит этот аромат, аромат отца, который погиб во время обстрела Ткварчели в январе 1993 года.

Осенью того же года мать и бабушка привезли Нино в Москву.

Остановились в Алтуфьеве у брата матери – тренера по волейболу, он тогда как раз развёлся с женой – тренером по синхронному плаванию и жил один в трёхкомнатной квартире.

Пил, конечно, а что ещё оставалось делать?

Сейчас Нино смотрит на девочку, сидящую в автобусе на соседнем сиденье. На вид девочке пять лет, не больше, столько же было и Нино, когда им удалось выехать из разрушенного Ткварчели и через Краснодар и Воронеж добраться до Москвы.

Девочка трогает указательным пальцем правой руки заклеенный белым пластырем левый глаз и не понимает, почему не может им смотреть, а должна мучиться, выворачивать голову и пытаться видеть больным глазом, по которому бегут тени, вспышки света, блики и отсветы.

Глаз косит, в поле его зрения попадает локоть правой руки, поручень, привинченный к полу и потолку, окно, за которым проносятся чёрные бесформенные деревья и освещённые жёлтым светом стены домов, а ещё молодая женщина с рыжими волосами попадает в поле зрения, она сидит совсем близко, на соседнем сиденье, и глаза её закрыты.

Тогда девочка следует её примеру и тоже закрывает свой больной глаз, сразу всё погружая в непроглядную темноту.

Бабушка Этери, мать отца, в последние годы жизни уже почти ничего не видела. Всякий раз она просила внучку рассказать, что происходит на улице.

Нино забиралась на подоконник и начинала свой рассказ:

– Идёт снег.

– Какой именно снег? – капризничала Этери. – Мокрый? Мелкий? Пушистый? С дождём? Говори подробней.

– Ба, идёт мокрый крупный снег. Видимо, он идёт с ночи, потому что деревья согнулись под его тяжестью, машин под ним уже не разобрать, а дворники с трудом двигают сугробы возле подъезда. Когда снег падает на асфальт, то быстро чернеет, но так как он валит безостановочно, то не успевает растаять и тяжёлым гнётом придавливает к земле листья и оторванные ветром ветки. Я помню, как ты мне рассказывала, ба, что в детстве у тебя в Кутаиси, когда выпадал снег, все выходили на улицу и строили крепость, лепили её из снега. Сначала из грубо скатанных комьев складывали основание крепости, затем стены, и наконец, это доверяли делать только братьям Чиковани, возводили башню, которую потом девочки из окрестных домов украшали разноцветными лентами. А помнишь, ба, как мы с тобой гуляли в Лианозовском парке и пошел точно такой же снег – мокрый, тяжёлый, хлопьями, заваливающийся за воротник?

В ответ тишина...

Нино поворачивается и видит, что Этери спит. Ей снится, как её, извалившуюся в снегу, насквозь промочившую ноги, соседские мальчишки таскают за длинную, почти до пояса доходящую косу и обзываются.

Она плачет, и слёзы текут по щекам.

– Немедленно открой глаз! Ты слышишь, что я тебе говорю?

От этого резкого возгласа Нино вываливается из короткого забытья, что и сном-то назвать невозможно, и видит, как молодая мать тащит девочку к выходу из автобуса, а девочка упирается и косит ленивым глазом то на бородатого мужчину, то на старика в болоньевом плаще, то на мирно дремлющих таджиков, то на собственное отражение в лобовом стекле.

А ведь это и есть синдром ленивого глаза, хотя при двухстороннем косоглазии попеременно заклеивают оба глаза: больной закрывают на один день, а видящий здоровый – на два и больше, впрочем, длительность ношения повязок зависит от остроты зрения.

Острая боль под левой лопаткой.

Острый пронизывающий холод.

Острая, хорошо разведённая двуручная пила.

Острый топор в мясном отделе гастронома, что на углу Инженерной и Бегичева.

Наконец, острое желание поскорее доехать до дому, не раздеваясь, лечь на кровать, отвернувшись лицом к стене, и закрыть его ладонями, чтобы никого не видеть.

Нино попеременно закрывает и открывает глаза, добиваясь при этом стробоскопического эффекта, когда, уже стоя на остановке по ту сторону оконного стекла автобуса, девочка машет Нино рукой и бестолково при этом крутит головой, выворачивая подбородок к левой ключице. Но на самом же деле она стоит на месте неподвижно и, опустив голову, слушает мать, которая выговаривает ей, что если она ещё раз закроет ленивый глаз, то навсегда останется косой.

Вообще-то это Ольга Дмитриевна приняла решение отдать свою дочь в школу в шесть лет. Этери, конечно, сопротивлялась, говорила, что Нино ещё маленькая и ей лучше посидеть дома, но неожиданно сестру поддержал брат.

Хлопнул огромной ладонью по краю кухонного стола, словно вколотил мяч в «мёртвую зону», и провозгласил:

– Хватит Нинке дома сидеть, уж замуж скоро, пускай идёт учиться!

Так как дело происходило на кухне, то Этери сразу принялась ставить чайник. Это она всегда так делала, когда не соглашалась с чем-либо и начинала нервничать.

– Правильно-правильно, сейчас чайку в самый раз пару кружечек принять!

– Серёжа, помолчи, – абсолютно не повышая голоса, произносила мать, – пойди покури.

– Как скажешь. – Лицо тренера по волейболу вытягивалось и застывало в гримасе потрясённого недоумения вкупе со страхом и разочарованием – такими, какими их обычно изображает долговязый, с подведёнными сурьмой глазами рыжий клоун по прозвищу Желтухин.

Нино тут же начинала смеяться.

Переписываясь с кем-то невидимым, гренадёр с аккуратно подстриженной чёрной бородой и усами рассмеялся на весь автобус, но тут же спохватился, огляделся по сторонам, поймал на себе изумлённый взгляд старика в болоньевом плаще и смутился ещё больше.

Вот взъерошенный старик выглядывает из-за высоко поднятого воротника плаща, моргает белёсыми ресницами, насупливается лбом, прядёт косматыми бровями. Нино в эту минуту он напоминает птицу, которая ничего не видит в темноте, и потому все, громкий звук в том числе, пугает её и она тут же начинает метаться, бить крыльями и хрипло ухать, словно кашлять.

Старик закашлялся, выпустив порцию горячего воздуха внутрь плаща, покрутил головой, отбиваясь от сухости в горле. Хотя со стороны могло показаться, что он не верит в то, что такое в принципе возможно: болоньевый плащ, купленный ещё в середине семидесятых, сохранился, вот разве что пришлось подкладку поменять, потому как родная истлела совершенно.

Приняв образ змея, сом медленно отплыл от берега.

Какое-то время он ещё извивался, ещё был различим на поверхности чёрной воды бурунами, которые оставлял плавниками, созданными по образу и подобию покосившихся изгородей, а затем ушёл на глубину.

Нино хорошо запомнила висевшую на кухне в Алтуфьеве Дулёвскую фарфоровую тарелку с изображённой на ней нимфой, что сидела на берегу пруда и расчёсывала свои длинные рыжие волосы. Эту тарелку в своё время подарили жене Сергея, тренеру по синхронному плаванию. В том месте, где волосы нимфы уходили на глубину, а рыбы зачарованно смотрели на её огненные, густые, дышащие пряди, было выгравировано: «Светлане Пономаревой от центрального совета «Динамо», 8 марта 1989 года».

Приняв образ сома, пятьдесят третий автобус медленно отошёл от остановки, прочертив красными габаритными огнями параллельные траектории, покатился под откос и растворился в темноте Инженерной улицы.

Оказавшись одна на остановке, ничего не почувствовала – ни одиночества, ни страха, ни грусти, ни смертельной усталости, только острый пронизывающий холод подобрался. Поди ж ты, ещё только начало октября, а уже такое ощущение, что сейчас выпадет снег, причём колючий, мелкий, наждачный, льдистый, из тех, что на месте сквозняков оставляет за собой длинные серебристые языки-дюны.

Изо рта идёт пар.

Она укутывается шерстяным шарфом до самых глаз, прячется за него, как тот старик с птичьим лицом в автобусе прятался за воротник своего болоньевого плаща, который в фильме «Рокко и его братья» носил двадцатипятилетний Ален Делон.

Становится теплей, правда, ненадолго – на углу Инженерной и Бегичева ледяной ветер свирепствует, гоняет палую листву, сухие ветки, бьёт в лицо, раскачивает дорожные знаки, мечется в проходных дворах, пытается оторвать жёлтый фонарь, висящий над входом в гастроном.

Нино сразу же и вспомнила, как на первом курсе института она точно так же вечером стояла на ветру под окнами их квартиры в Алтуфьеве и понимала, что больше не может туда вернуться, больше не в силах выслушивать нотации матери и присутствовать при их с братом скандалах. Сергей тогда как раз познакомился со своей новой пассией, гимнасткой из ветеранской сборной ЦСКА, и стал приводить её домой.

– Какая красивая рыжая грузиночка, стерва, наверное, – смеялась широкоплечая, плоскогрудая, с мужским подбородком гимнастка, а потом примирительно добавляла: – Не обижайся, просто ты красивая, а я нет, хотя мужикам нравлюсь. Да, Серёж?

Лицо бывшего тренера по волейболу при этом вытягивалось и застывало в гримасе потрясённого недоумения вкупе со страхом и разочарованием – такими, какими их обычно изображает долговязый, с подведёнными сурьмой глазами рыжий клоун по прозвищу Желтухин.

Нино улыбалась в ответ.

Кстати, о Желтухине.

Он выступал в цирке шапито, что приезжал в Лианозовский парк каждую осень и стоял здесь до Нового года. Однажды во время представления Желтухин, на голове которого, а точнее сказать, в невообразимой копне рыжих волос которого сидел попугай по кличке Зорро, подошёл к Нино и предложил ей выйти с ним на манеж. Этери, бывшая рядом с внучкой, совершенно растерялась, поймав на себе умоляющий взгляд девочки.

– Не бойтесь, не бойтесь, не бойтесь доброго Желтухина! – хриплым простуженным голосом заголосил Зорро и принялся раскачиваться из стороны в сторону, словно приглашая зрителей поддержать его. Редкие, нестройные, жалостливые аплодисменты неожиданно переросли в бурную овацию, под которую Нино и вышла на манеж. Это было неведомое ранее чувство, когда голоса, смех, разноцветные огни, истошные вопли попугая Зорро и музыка превратились в мешанину, которая и была счастьем, достичь которого в обычной жизни не было никакой возможности. Ведь здесь, на манеже, не было ничего, что могло бы опечалить или испортить настроение, обидеть и заставить грустить. Один раз насладившись такими счастьем, воистину никогда его не забудешь...

Итак, с видом полнейшего восхищения Желтухин церемонно поклонился Нино, причём сделал это так нарочито старательно, что Зорро не удержался у него на голове и под общий смех перелетел на плечо к девочке.

– Как тебя зовут?

– Нино.

– Какое прекрасное имя, Нино!

– А я – Желтухин, – уморительно изображая смущение и серьёзность одновременно, проговорил клоун и протянул девочке выбеленную тальком руку, – будем знакомы.

– Ты знаешь, почему меня зовут Желтухиным?

– Нет, – удивительно, но, казалось бы, в этой какофонии звуков она должна была рас- теряться, лишиться дара речи, не слышать и не видеть ничего, но этого не произошло, – нет, не знаю. – При этом Нино погладила сидевшего у неё на плече Зорро.

– Потому что я, деточка, рыжий клоун, я люблю апельсины, фанту и жёлтые воздушные шары.

– А я не люблю апельсины, потому что у меня от них диатез.

– Как же им не стыдно!

– Кому? – Нино округлила глаза, делая вид, что не понимает, кого стыдит долговязый, с подведёнными сурьмой глазами клоун.

– Апельсинам, Нино, апельсинам!

– Позор! Позор! Позор! – опять завопил Зорро и вновь принялся раскачиваться из сто- роны в сторону, приглашая зрителей поддержать шутку. В зале вновь раздались смех и апло- дисменты.

– Милая Нино, я дарю тебе этот жёлтый воздушный шар, как самой солнечной девочке нашего представления, – с этими словами Желтухин, показывая, насколько тяжёл и неподъ- ёмен подарок, пыхтя и едва передвигая ноги, с трудом протянул Нино светящуюся изнутри сферу, – держи его крепко и не отпускай, а то он улетит.

Ветер яростно летал, раскачивал висящий над входом в гастроном жёлтый стеклянный шар фонаря, казалось, что хотел оторвать его, металлический крюк скрипел, а по стенам, по оцинкованному профнастилу козырька, по цементным ступеням, по лицу Нино метались тени, вспышки света, блики и отсветы.

Подумалось, что те случайные попутчики в автобусе, которых она больше никогда не увидит, досужие разговоры, по большей части бессмысленные, но почему-то оставляющие в сердце глубокие раны, никуда не деваются, но продолжают жить какой-то своей особенной жизнью, продолжают раскачиваться, вызывая тошноту и озноб.

«Косы рыжие густые, брови чёрные навзлёт, глазки синие, шальные, и танцует, и поёт».

И не танцует она, и не поёт, но если об этом все говорят, значит, хотят её видеть такой, и постоянно сопротивляться этому уже нет сил.

И вновь подумалось: так или иначе мы просто заклеиваем белым пластырем, который со временем потемнеет, здоровый глаз, и он перестанет быть здоровым, вечно находясь в темноте неведения, а ленивый и шальной так и останется ленивым и шальным, приучив нас к тому, что всё, что он видит, и есть правда.

Нино остановилась перед стеклянной, забранной алюминиевыми решётками дверью магазина и сосредоточилась, задумалась, что надо купить домой. Это было очень важно, потому что, когда уже оказывалась внутри магазина, она сразу всё забывала и в медленном отупении бродила вдоль прилавков, где под стеклом были разложены окорочка и рыбы без головы, замороженные голени и говяжьих хрящи.

Нет, в мясном и рыбном ничего не надо. Надо в молочном что-нибудь на завтрак купить.

Конечно, это были уже не те завтраки, которые ей в детстве готовила Этери: яичница с помидорами, блинчики с абрикосовым вареньем, пшённая каша с тыквой и грецкими оре- хами.

Когда в конце первого курса Нино всё же ушла из дому и стала жить в институтской общаге, тут с завтраками всё обстояло куда как проще: варёное яйцо или что осталось после ужина. А если ничего не осталось после ужина, был просто чай и перекур на балконе.

Узнав о том, что её дочь теперь, как «лимитчица» – это были её слова, – живёт в общешитии, Ольга Дмитриевна закатила колоссальный скандал, она даже хотела пойти в ректорат, но брат её не пустил.

– Не лезь, Оля. – И со всей силы приложил своей огромной ладонью по подоконнику, словно загнал мяч «под кожу», ну то есть между сеткой и руками противника.

– Молодец девчонка, я же говорила: настоящая стерва!

Сначала эти слова гимнастки бесили мать, но потом всё как-то улеглось.

– На твою Нинку похожа, такая же красивая. – Гимнастка указывала на нимфу с Дулёвской фарфоровой тарелки, что висела над столом, и визгливо смеялась.

Оля улыбалась в ответ и мяла пальцем хлебный мякиш, что ей ещё оставалось делать?

А лепнина на потолке в гастрономе напоминает бесформенные куски развесного творога.

В молочном отделе работает добрая продавщица.

В рыбном отделе работает строгая продавщица.

В мясном – великодушная.

Творожная масса пахнет ванилью.

Под прилавком в фанерном ящике лежит несколько лопнувших пакетов из-под кефира.

Холодильник со сметаной и молоком монотонно гудит, как включенное радио.

Сидящий рядом с кассой в инвалидной коляске Серёженька крепко цепляется узловатыми пальцами за обитые дерматином подлокотники, будто его кто-то хочет украсть.

Он складывает губы дудочкой и дудит.

Этери рассказывала, что у них в семье все пели и играли на музыкальных инструментах. Отец – на аккордеоне, старший брат – на скрипке, младший – на зурне, а она с матерью и сестрой Кети пели. Одно время они даже выступали в самодеятельности при электромеханическом заводе, но после войны, с которой не вернулся старший брат, а отец тяжело заболел – сердце, «острая боль под левой лопаткой» не давала покоя, – выступали только перед родственниками и друзьями, которые собирались у них в доме на берегу Риони.

Нино помнила, как уже в Ткварчели отец и бабушка вдвоём пели какую-то грустную и очень красивую песню, а мать почему-то плакала, хотя и не понимала слов.

– Да не бойся ты, Серёженька, рыжая тебя не украдёт, – говорит кассирша и лениво поправляет белый халат на огромной, почти лежащей на клавишах кассового аппарата груди.

– Ту-ту-ту, ту-ту-ту, – отвечает Серёженька в крайнем волнении и едва слышно приговаривает: – а говорят, что у рыжих людей нет души.

На втором курсе института Нино зачем-то вышла замуж.

Это был её однокурсник – тихий, сублильного сложения Миша Ратгауз из интеллигентной московской еврейской семьи, которая жила в актёрском доме в Малом Власьевском переулке на Арбате. На родителей: папу, известного переводчика немецкой литературы XIX века, и маму, преподавательницу сценречи в ГИТИСе, – Нино произвела самое благоприятное впечатление. Родители даже уступили молодоженам огромную трёхкомнатную квартиру, а сами переехали жить на дачу в Баковку. Однако довольно быстро выяснилось, что жалость, а других причин вступать в брак с человеком, на которого в техническом вузе все смотрели свысока, прошла, и на смену ей вдруг пришли буйство и жажда свободы, которые уже однажды в детстве, на манеже шапито в Лианозове, посетили Нино. Это было то самое неведомое ранее чувство, когда голоса, смех, разноцветные огни, истошные вопли попугая Зорро и музыка превращались в мешанину, которая и была счастьем, достичь которого в обычной жизни не было никакой возможности. Ведь здесь, на манеже, не было ничего, что могло бы опечалить или испортить настроение, обидеть и заставить грустить. Значит, нужно было изменить эту обычную жизнь.

Трясла копной своих рыжих волос, закрывала ими глаза, запихивала в уши и в рот.

Сначала Нино не могла поверить в то, что пережитое так давно никуда не делось, что оно просто жило какой-то своей отдельной тайной жизнью, раскачивалось в глубине, плавало, как сом с усами, изредка вызывая приступы тошноты и озноба, при которых, однако, становилось радостно до истерики и хотелось плакать.

И она плакала и даже кричала, но никто не видел и не слышал этого.

В остальное же время, когда Нино смотрела на своё отражение в зеркале, то видела там устремлённый на неё надменный и тяжёлый взгляд, который вполне мог принадлежать какому-то совсем другому человеку.

Это была она и одновременно не она, могла любить, жалеть, быть ласковой, но в то же время проявляла жестокосердие, холодность, любила доставлять боль другому человеку. Ведь так и сказала своему Мише: «Ты мне надоел, и я от тебя уйду».

И ушла.

Вышла из гастронома на улицу, и в лицо снова ударил пронизывающий ветер, а продавщицы, окорочка и рыбы без головы остались в безветренном пространстве.

– Нина, подожди, – донеслось вдруг сквозь незакрытую стеклянную, забранную алюминиевыми решётками дверь магазина.

Нино оглянулась: через зал к ней бежала добрая продавщица из молочного отдела, кажется, её звали Лида.

– Не в службу, а в дружбу: довези нашего Серёженьку до пятого дома, вам же в одну сторону, а то мы сейчас закрываемся, – Лида распахнула дверь гастронома, выпустив на волю дух костромского сыра и развесного творога, – а он там сам дальше. Да, Серёженька, доберёшься сам?

– Доберусь-доберусь, – забубнил инвалид, и коляска тут же закричала, словно острая, хорошо разведённая двуручная пила напоролась на гвоздь. Сдвинулась с места.

– Вот и славно, – суетилась продавщица из молочного, – спасибо тебе, дорогая, держи его крепче там, на спуске.

Нино тут же и вспомнила, как точно так же толкала перед собой каталку, на которой лежала Этери, а мать бежала сзади по бесконечной длины больничному коридору и кричала: «Держи её крепче!» – совершенно не думая о том, что её предостережение рождает желание поступить наоборот.

– Почему так? – Нино почувствовала лёгкое головокружение и откуда-то из глубины подступающую дурноту. Даже остановилась на какое-то мгновение, на глазах выступили слёзы. Растерла их кулаками по щекам.

Нино, конечно, знала ответ на этот вопрос, но боялась его произнести хотя бы и шёпотом.

Шарф съехал на грудь.

Губы высохли от встречного ветра.

Серёженька сгорбился и залез в приторно пахнущую дешёвым куревом нейлоновую куртку.

Улица резко пошла вниз после тринадцатого дома.

В шапиту раздалась барабанная дробь.

Сом почувствовал добычу и выбрался из своей норы.

Ладони сами собой разжались и отпустили рукоятки инвалидной коляски, а ветер тут же и подхватил её, погнал в темноту.

Баба Саня положила в кошелек полученные от Нино деньги за проживание, почесала подбородком левое плечо и проговорила едва слышно:

– Так и было у нас на Клязьме, утащил косоного Игната сом на глубину, и больше его никто и не видел.

Вячеслав Харченко

Ева

Ничего в Еве не было. Рыжая, худая, низенькая. Постоянно дымила. В детстве у Евы отец умер от врачебной ошибки. Думали, что язвенный колит, а оказался обыкновенный аппендицит. Когда прорвало, отца даже до больницы не довезли, так и отошёл в «Скорой помощи».

Закончив московский журфак, она вернулась в родной город и распределилась в местную газету. Город любил Еву, а Ева любила город. Она обожала ночной блеск сверкающих переливающихся огоньков, дневной рокот пыхтящих автомобилей, спокойный властный шаг полноводной широченной реки, пересекающей город, его жителей, неторопливых и вкрадчивых, бродячих кошек и собак, независимо разгуливающих по проспектам с видом полномочных и настоящих хозяев.

Отец часто снился Еве, и поэтому она писала статьи о врачебных ошибках. Много раз она, захватив с собой меня в качестве оператора, выезжала в какие-то заброшенные и запущенные больницы для проведения очередного журналистского расследования. Все эти желтолицы, скрюченные, измученные больные любили Еву, а администрация города и главный врач города Еву ненавидели, но её статьи печатали центральные газеты, её репортажи передавали по центральному радио и центральному телевидению, а однажды Ева получила всероссийскую премию, которую перечислила в городской детдом.

– Сядь, Ева, отдохни, – говорил я ей, когда она широкими шагами вбегала в редакцию, распахнув настежь дверь, но Ева только заразительно смеялась и, подбежав к компьютеру, включала его одним тычком, а потом наливала себе из кофемашины жгучий ароматный напиток и садилась за какой-нибудь злободневный репортаж.

Давид был моим другом. Давид любил Еву. Давид работал пожарным. Он приезжал на красной машине в блестящей каске и в брезентовом огнеупорном костюме к полыхающему зданию и вынимал белый гибкий шланг, который лихо разворачивал и прикручивал к водяному крану. Потом Давид направлял мощную вибрирующую струю в жаркое пламя, и через какое-то время усмирённая стихия сдавалась, а жители спасенного дома обнимали Давида и дарили ему цветы, которые он относил Еве.

Не то чтобы Ева была равнодушна к Давиду, но два одинаковых характера не могли ужиться – мощный, высокий, светловолосый и властный Давид и живая, настойчивая, одержимая Ева. Они часто ссорились, так и не сблизившись друг с другом, что не мешало Давиду считать Еву своей возлюбленной.

Частенько в выходной, а у Давида тоже были выходные, мы сидели с ним в кафе «Ласточка» и пили разливное жигулёвское пиво, закусывая его копчёным омулем, и Давид рассказывал о своих душевных мучениях, а мне казалось, что в таком железном человеке не может быть никаких внутренних сомнений, тем более на любовном поприще. Такой человек должен легко переживать душевные драмы, но Давид почему-то страдал и вздыхал, расспрашивая у меня все подробности о Еве. Но что я мог рассказать? Что Ева написала новую статью? Что мы с Евой ездили в тринадцатую больницу? Что её репортаж опять произвёл фурор?

Да, и ещё я забыл сказать, что Ева была старше меня. Старше меня на восемь лет, но это было незаметно. Возраст женщины не имеет никакого значения, если она энергична и уверена в себе, если она занята благородным делом и заботится о ближнем. В этом случае на её лице отображается какое-то божественное свечение, а морщинки незаметны, да и не было их тогда на ровном белом лбе Евы.

В тот вечер мы с Евой приехали в редакцию поздно, все столовые и рестораны были уже закрыты, а мы после очередного выезда были слишком голодны, но моя квартира находилась рядом, буквально в двух кварталах от редакции, и я пригласил Еву к себе. У меня в холодильнике оставались суточные щи, приготовленные моей мамой, а также завалилась бутылочка массандровского портвейна «Ливадия», и я, не имея за душой ничего плохого или гнусного, просто пригласил Евушку к себе, чтобы она могла покушать после трудного и длинного рабочего дня. Эх, знал бы я, чем всё это обернется!

На кухне было уютно и радостно. Мирно и весело мурлыкало радио какой-то джазец, степенно и сипло шипел чайник, кот Джастин медленно бродил по полу и тёрся о наши ноги, и вот когда мы допивали по последней рюмке портвейна «Ливадия», Евушка провела своей тёплой ладонью по моей щеке, а я осторожно и бережно поцеловал её в губы, взял на руки и отнёс в спальню. И всё было бы хорошо, если бы наутро в мою квартиру в дверной звонок не позвонил Давид, ведь это была суббота, а мы по субботам ходим с ним в кафе «Ласточка» и пьём пиво.

Я не мог не открыть Давиду. Хотя, конечно, должен был его не пускать, но почему-то в тот момент захотелось его впустить. Какое дурацкое решение... Он увидел кожаную куртку Евы на вешалке и всё понял, а потом ещё и Ева спросила громко из спальни:

– Кто это?

– Это я, – ответил Давид.

Ева хорошо слышала его голос, а я просто стоял в прихожей и хлопал ресницами.

– Коля, как же это? – спросил Давид у меня и выскочил из квартиры, так громко хлопнув дверью, что посыпалась штукатурка.

Ева же встала с постели и, как была обнажённая, обняла меня со спины и поцеловала в чёрный затылок.

– Ты пахнешь жасмином, – сказала Ева и пошла в ванную принять душ.

Давида я потом долго не видел. Мы с ним перестали ходить в кафе «Ласточка». Мне говорили, что он ушёл из пожарных, потому что однажды не сумел потушить огонь. Приехал по вызову, пламя полыхает, а он стоит и плачет и не может развернуть белый гибкий шланг, чтобы по нему пустить воду в надвигающуюся стихию. Так и простоял замороженно, пока его не увели сослуживцы. Ему даже потом спасённые жильцы дома цветов не вручили, и он ушёл из пожарных и, как мне говорили, устроился учителем физкультуры в школу. Учил старшеклассников, как прыгать через коня и висеть на кольцах.

Но, видимо, жизнь очень сложная и противоречивая штука, за всё в ней надо платить, ничего не бывает просто так и не остаётся без ответа, потому что буквально через год моя Евочка, мой цветочек аленький, заболела. Болезнь была самая ужасная и самая известная, смертельная и мучительная. Сгорела она за четыре месяца. И весь город, все люди, которым она сделала столько хорошего и прекрасного, буквально рыдали и страдали от такого невероятного и ужасного события. Была бы моя воля, я бы отдал себя вместо Евочки, но в жизни на самом деле ничего сделать невозможно, тем более если что-то уже сделано или не сделано до этого.

И вот на похоронах на Савельевском кладбище мы с Давидом и встретились, он стоял мрачный и потерянный, теребил в руках бейсболку, а когда гроб положили в землю, он подошёл ко мне и пожал мою вялую, потную и мягкую руку.

Потом мы пошли в кафе «Ласточка» и пили разливное жигулёвское пиво с копчёным омулем и просто молчали. Мы не чокались и молчали, и под конец мне показалось, что он простил нас с Евочкой и сказал, что надо поставить памятник, а у меня попросил фотографии Евы.

Я выбрал самую прекрасную и самую весёлую, где Евушка была в лыжной шапочке, но её так плохо обработали в агентстве, что я сам изучил специальные программы и отретушировал так, что Еве бы точно понравилось.

Теперь же после установки памятника прошло три года. Давид так и остался в школе физруком и даже на ком-то женился, на биологине, кажется. Я же ушёл из газеты и устроился в похоронное агентство обрабатывать фотографии. Тихая и спокойная жизнь.

Вячеслав Харченко Спокойная жизнь

1

В тот вечер мы долго бродили с моим другом Андреем по гранитным мускулистым набережным Москвы-реки и наблюдали, как протяжные плоскодонные баржи тянут свою незамысловатую поклажу по мутной коричневой воде. Я смотрел на Андрея и думал, что он хорошо устроился: преподаёт в коммерческом вузе, ведёт семейный образ жизни, жена красавица, дети, а я просто убиваю время и никак не могу никого не то чтобы полюбить, а просто заметить. Чтобы остановился взгляд, чтобы что-то полыхнуло или задело.

Первый мой брак был неудачный. Нет, я по-своему любил Свету, мы вместе учились в университете, вместе сдавали экзамены и зачёты, но через три года совместной жизни я вдруг понял, что Света – мужчина. Жёсткий, властный, гордый и непримиримый мужчина. Невозможно было представить, чтобы что-либо в доме делалось не так, как ей нравится, чтобы мы поехали отдыхать в Таиланд, а не провели сплав на байдарках по Карелии.

Иногда я просыпался среди ночи и внимательно вглядывался в её овальное, мягкое лицо и думал, как внешность может быть обманчива, как в этом небольшом и хрупком тельце скрывается столько воли и мужества. Я бережно и осторожно перебирал её тёмные каштановые волосы, горько проводил ладонью по нежной коже и думал, что, наверное, я просто ущербен, что мне нужна какая-то другая женщина, добрая и покладистая, которая будет смотреть мне в рот и выполнять мои маленькие мужские прихоти. Чтобы я входил в дом, медленно снимал ботинки, аккуратно мыл руки в ванной, торжественно садился за стол, а она бы в фартуке, улыбаясь, говорила мне: «Антон, ужин готов».

Но Света всегда была где-то там, далеко. Она вела в университете семинары, в отличие от меня защитила кандидатскую диссертацию, в нашей квартире постоянно толкались её ученики, пили чай и вино, до ненависти пели под гитару Высоцкого и Окуджаву, обсуждали научные проблемы, ругали власть, и мне стало казаться, что я живу не со Светой, а с каким-то необъяснимо огромным количеством незнакомых и неизвестных мне людей, которые мне не просто непонятны, но и неприятны.

А Света этого поначалу не замечала, но когда что-то стало во мне трещать и ломаться, всё это перенеслось в личную жизнь. Бывало, лежим в постели, Света склонится надо мной и спросит:

– Что с тобой, Антон? – а я молчу или отвернусь к стене.

– Всё хорошо, Светик, всё хорошо.

Но когда зашло совсем далеко, когда мы не были близки почти полтора года, Света собрала вещи и ушла. В никуда, ничего не сказав, не оставив никакой записки, даже не поговорив со мной по телефону. Когда я пытался ей писать, Света не отвечала, когда звонил – нажимала отбой.

2

– Что-то ты закис, старик. – Андрей положил мне руку на плечо.

Белая нудная чайка пролетела над головой. Её едкий и противный крик гулко разносился над водой.

«Странно, – думал я, – в Москве нет моря, а чайки есть. Что им здесь надо? Пусть летят в Крым или на Тихий океан. Чайкам здесь не место».

– А поехали к девкам! – сказал Андрей и голоснул такси.

Мне, честно говоря, было всё равно. Весёлый курчавый азиат как циркач вертел в руках баранку и с характерным акцентом рассказывал о своих московских приключениях, а я откинулся на заднем сиденье и ни о чём не думал.

В однокомнатной квартире, в которую меня привёл Андрей, было весело и накурено. По стеночкам и уголочкам жались мальчики и девочки, на кухне велись интеллектуальные разговоры о Сартре и Делезе, в ванной кто-то заперся и стонал, в туалете тоже горел свет.

Из колонок в центре гостиной доносился джаз, но никто не танцевал, кроме одной блондинки, причём танцевала она в полном одиночестве. Я присел в кресло и стал за ней наблюдать.

Она смотрела на меня, она извивалась, она хотела мне понравиться. Я давно не видел женщин, которые хотели мне понравиться. В последнее время мне даже не приходило в голову, что я могу кому-то нравиться, поэтому блондинка Рая (это мне Андрей сказал) стала мне интересна именно тем, что я был интересен ей.

Одета Рая была со вкусом, но вызывающе. Короткая узкая юбка, серебристая сверкающая блузка, натянутая на одно плечо, причёска с бритыми висками и торчащим набок коком, яркие розовые сандалеты, разноцветный маникюр – красный вперемешку с синим.

Я встал из кресла, подошёл вплотную к Рае и закружился с ней в танце. Я давно не танцевал, и поэтому со стороны танец выглядел комично, всё-таки Рая была красива и нежна, а я тяжёл, косолап и старомоден.

– Вы читали Мураками? – спросил я.

Услышав ответ, я обрадовался, взял Раю за руку, и мы пошли на улицу – в наше светлое завтра, в наше прекрасное будущее, в наш совместный и чудесный сон. Меня посетило такое счастье, что всю дорогу в метро я молчал и только крепко сжимал тонюсенькую Раину ладошку, тёплую и влажную.

«Как же долго я искал тебя», – думал я.

На улице ликовал май. Утки на Люблинском пруду ещё жили стаей и не разбились по парам. Мы купили два батона и стали их кормить. Зелёные голодные селезни, расталкивая бедных серо-коричневых самочек, бились у наших ног. «Ах, гормоны, гормоны», – думал я.

В ту ночь у нас ничего не было. Рая зачем-то вымыла всю посуду, подмела пол, перевесила занавески, постирала белье, приготовила борщ, и когда я наконец-то оттащил её от плиты, сил у нас ни на что не осталось. Мы просто сидели счастливые и смотрели друг другу в глаза. Когда я утром собрался на работу, то меня ждал крепкий кофе и нарезанные бутерброды с бужениной.

3

Что за удовольствие новая жизнь! Буквально через две недели после переезда Рая устроила мне ремонт. В первую очередь были выброшены старые еле живые книжные шкафы. На их место встал моднейший зеркальный шкаф-купе, и хотя после этого я не знал, куда мне поставить половину книг, я всё равно обрадовался, потому что в моей мучительной и размеренной жизни возникла живая струя, что не могло меня не удивлять.

Потом Рая пригласила юрких таджиков, которые создали в спальне чудо – подвесной потолок, столь милый и воздушный, что из комнаты не хотелось выходить. Мы могли часами лежать в кровати, уставившись вверх, просто из любви к искусству, так нам нравилось. Можно было даже не смотреть глубокомысленный артхаус, а просто наблюдать, как шаловливые мухи бродят по голубой глянцевой поверхности из стороны в сторону, словно чёрно-белые бурёнки на альпийском пастбище.

Затем Рая содрала обои и наклеила новые. Это были шикарные виниловые вздутые полосатые обои, от которых вся моя двухкомнатная квартира превратилась в музей, не хватало только мебели времен Людовика XIV, но её стремительно сменил итальянский новодел. Потом мы поехали в Турцию, где «всё включено».

В завершение всего в доме появился кот Масик: рыжий полосатый коротконогий заморыш, найденный на Люблинской помойке по случаю спасения всего живого. Он важно расхаживал по кухне и требовал еды громким пронзительным голосом, как муэдзин. Время от времени он занимал нашу широкую кровать и не хотел оттуда уходить даже под страхом раскаяния. Масик отличался тем, что мог иногда сходить мимо лотка, но это не останавливало нашей к нему любви.

А самое главное – мне всё нравилось. Нравилась даже не перемены, а то, как они делались. Я в любой момент мог ударить кулаком по столу и сказать, что это и это мне не по душе, и Рая со мной полностью соглашалась и делала так, чтобы мне понравилось, хотя, если честно сказать, я ни разу так и не ударил по столу кулаком. Только один раз возмутился, что исчезли альбомы голландской живописи, но они быстро нашлись, Рая их случайно вынесла в коридор.

4

Как-то раз мы сидели с Андреем в кафе «Ласточка» и пили жигулёвское пиво, заедая его твердокаменной тресковой соломкой, сколь солёной, столь же и зубодробительной. Где-то в небе парил ястреб, сонный, но опасный, воробьи листиками шевелились в кустах и отчаянно чирикали, словно у них проходили думские прения. Из жидкокристаллического телевизионного дисплея устало вещал президент, и казалось, что жизнь удалась, но чувство необъяснимой досады не покидало меня.

– Как дела, старик? – спросил Андрей.

– Мне чего-то не хватает, – прошептал я.

– Как Рая?

– Желает получить высшее образование.

– Могу взять к себе. У нас недорого, а тройки натянем.

Я внимательно посмотрел в добродушное и открытое лицо Андрея. Я никогда не понимал, когда он шутит, а когда говорит серьезно. Вот и сейчас на его лице я ничего не прочитал и углубился в меню, хотя какое может быть меню в забегаловке возле метро? Шашлык-машлык, пельмени и гамбургеры.

Мне казалось, что за три года совместного жития с Раей я изучил её вдоль и поперёк, мне всё нравилось, я был доволен, как ведётся домашнее хозяйство, как Рая готовит, как присматривает за детьми, но я не мог уразуметь, зачем ей высшее образование. Даже более того, я понимал, что боюсь – если Рая образование получит, то от меня упорхнёт ненадёжное летучее эфемерное счастье, которого я добивался всю свою жизнь, которого мне так не хватало со Светой, без которого я просто не выживу в этом пропащем мире.

За окном пошёл дождь. Тяжелые, размеренные капли затукали по лобовому стеклу моей «Шкоды», припаркованной возле кафе. Дождевые слезинки скатывались как по маслу и утыкались в горизонтальные дворники, и мне вдруг захотелось все бросить и уехать к чертовой матери куда-нибудь, но я почему-то грустно посмотрел на Андрея и спросил, куда и когда Рая может принести документы.

Мой ответ Андрею понравился, он почему-то виновато улыбнулся и заказал ещё по кружке пива.

Дождь закончился. Откуда-то появились голуби. Они ходили, важные и горделивые, вокруг фонтана, а я сидел и думал, что проще быть голубем, чем человеком. Пришла лопухая уличная собака и устала на нас. Мы купили ей беляш, а потом прогулялись с Андреем по бульвару. Все скамейки были заняты, почему-то хотелось плакать, но это ведь смешно – плакать, если ты мужчина.

5

Я стал ревниво следить за Раиными успехами в институте. Было непостижимо, как, одновременно обремененная хозяйственными заботами и детьми, она успевает учиться. Честно говоря, я пару раз пытался ей помочь и даже написал три контрольные работы, но Рая, скорее, возмутилась, чем обрадовалась.

– Антон, я сама, – говорила Рая и надувала прелестные пухлые губки.

Вначале по ночам я залазил в её домашнее задание и перепроверял его, но потом понадеялся на Андрея, он ведь был её научным руководителем.

Андрей ничего мне не говорил о Раиной учёбе. Я несколько раз пытался спросить у него, но он только снисходительно улыбался и хлопал меня по плечу:

– Старик, будет диплом, будет.

Я часто ловил себя на том, что чаще думаю не о детях, Олежке и Леночке, а о Раиной учёбе. Я понимал, что дети – это, скорее всего, мои сторонники и помощники, они всегда, если захотят, могут оттащить Раю от ненужной и бесполезной науки и заставить заниматься мной. Даже более того, я стал специально как можно меньше интересоваться детьми, разве только ходил с Олежком на футбол, а в довершение всего купил по егорьевскому направлению дачу, в надежде, что работа на земле отвлечет Раю от учёбы, но этого не произошло.

Рая приехала на участок, осмотрела каменный недостроенный домик, неровный запущенный участок, завалившийся заборчик, яблоню, древнюю и разлапистую, с янтарными пахучими плодами, и заявила, что садоводство – это, конечно, хорошо, но наука, наука – это её страсть.

«Господи, Господи, – думал я, – помоги мне. Дай мне силы, дай мне хитрости, дай мне изворотливости!»

В результате на даче поселилась тёща Мария Ивановна. Каждое первое мая я привозил её на машине на дачу вместе с котом Масиком, и она жила вплоть до октябрьских холодов. У меня же появились новые обязанности. В выходные я ездил косить траву, копать грядки. Привозил еду и забирал постельное бельё. Это были приятные и мучительные обязанности, потому что, несмотря на то что я купался в холодных ключевых озёрах, ловил рыбу и собирал хрупкие сыроежки и оранжевые подосиновики, я понимал, что мой план провалился.

6

Незаметно пролетело четыре года. Чем ближе был диплом, тем больше Рая расцветала. У неё появился необычайный одухотворённый радостный блеск в глазах, она часто рассказывала мне о своих успехах и как-то раз с гордостью показала свой диплом.

Диплом был как диплом, нормальный диплом, если бы я что-то помнил из курса литературы девятнадцатого века, то мог бы его оценить, а так я только бережно и растроганно обнял Раю и поцеловал.

Я отвёз детей, Олежку и Леночку, к теще на дачу и пошёл с Раей на защиту, но в аудиторию меня не пустили, даже несмотря на то, что Андрей был председателем дипломной комиссии. Взволнованный, я вышел в институтский парк, присел на старенькую замусоленную лавочку и стал ждать. Ждать пришлось почти четыре часа, и дальнейшие события стали причиной всех моих теперешних злоключений.

Ровно в 16:00 из института выбежала растрёпанная и зарёванная Рая, и я еле её догнал. Я дёрнул её за руку, Рая обернулась, но мне показалось, что она меня не узнаёт. От слёз на её лице потекла тушь, щёки горели красным румянцем, руки дрожали.

– Они даже не стали меня слушать.

– Кто?

– Комиссия, Андрей сказал: «Этим пятерки, а этой тройку!» – и вышел, а комиссия даже не обсуждала.

– Почему?

– Спешил куда-то. Ты ведь с ним поговоришь?

– Да, да, конечно, это бред какой-то.

7

Но с Андреем я не поговорил, хотя сказал Рае, что беседа была. Впрочем, зачем мне было встречаться с Андреем, если сбылись все тайные мои желания, ведь Рая устроила чудовищный шум среди наших общих знакомых и во всех социальных сетях.

Долго бурлил Интернет, появились какие-то общества защиты Раи от произвола профессорского разгула, к нам приходили домой сопливые обшарпанные студенты и вели душе-спасительные беседы, какой-то безголовый комитет провёл встречу с министром образования, у Раи появились защитники и поклонники, а сама Рая, находясь в состоянии какого-то дикого эгоцентричного аффекта, несмотря на сданные государственные экзамены, отказалась от диплома.

Считал ли я, что предал Раю? Нет, нисколько. Я просто боролся за наше семейное счастье, я просто хотел самое обыкновенное тихое семейное счастье, я не хотел новой Светы в своей постели, но мне кажется, что именно это и послужило точкой отсчёта нашей дальнейшей размолвки.

Нет, Рая не бросила варить борщи, её отношение к детям не поменялось, она так же готовила мне по утрам кофе и резала бутерброды, но я вдруг заметил, как что-то важное и эфемерное исчезло из наших отношений. Будто из узбекского плова вынули зиру. Единственно, чему я радовался, – что одной с детьми ей не выжить, Рае всё равно придётся меня терпеть, хотя жить в таком состоянии мне становилось всё тяжелее и тяжелее.

Однажды я пошёл вечером выносить мусор и потерял обручальное кольцо. Вернулся, искал в темноте, но ничего не нашёл. Это было простое, самое дешёвое золотое колечко. Я пришёл домой, сел у телевизора, включил футбол. Дети спали, Рая сидела на кухне. За окном ухал салют. Был День милиции, и я вдруг понял, что жизнь моя никчёмна.

И конечно, Рая ушла от меня вместе с Олежеком и Леночкой, а в довершение всего занялась продажей какой-то ерунды, и ей даже теперь не нужны мои алименты.

P. S.

Сегодня утром после шестилетнего перерыва Рая постучалась ко мне в «Фейсбук» и сказала, что умер Масик. Масик долго болел, у него слабые почки, у всех рыжих котов слабые почки, обычно они живут семь-восемь лет, но Масик прожил тринадцать. Я порывался приехать к Рае, но испугался.

Никита Шамордин Звёзды над Костромой

Накануне выходных общага привычно гудела, поэтому с утра по обыкновению у многих раскалывалась голова. Благо была суббота и в институте никто не ждал, хотелось подольше поваляться на пролёжанном литинститутском диване... Под руку попалась какая-то бесплатная рекламная газетёнка с прогнозами астролога и советами, как окрутить миллионера или завести роман с богатенькой вдовой. Антон хотел было уже зашвырнуть её в угол, но неожиданно взгляд его остановился на статейке «Женский характер и цвет волос». «А ну-ка!» – подумал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.